

**Что такое
государство и
откуда оно
берется**

Владимир Золотарев

Что такое государство и откуда оно берется?

Про фреймворки, фракталы и спонтанные порядки

В этой колонке немного поговорим о такой интересной штуке, как framework. Слово это переводят как попало, в рамках нашей колонки, мы переведем это слово, как «подход».

«Подход» отличается от прочих идей и концепций своей широтой. В свою очередь, это означает, что он может быть разбит на множество более мелких идей, составляющий его, но для понимания «подхода» в целом эти идеи, в общем-то не нужны (что не отрицает их важности для тех, кто, возможно, захочет разобраться подробнее). Овладев определенным подходом, человек начинает по-другому воспринимать реальность, подход дает ему своего рода ключ к явлениям определенного вида.

Приведу два примера. До Мандельброта практическая геометрия полагала, что окружающий мир сводится к простым фигурам — треугольникам и прочим окружностям. С этим возникали некоторые проблемы, например, знаменитое «измерение береговой линии Британии» - чем точнее были эти измерения, тем длиннее становилась береговая линия. Мандельброт со своей идеей самоподобия, порождающего специфические структуры, названные им фракталами, перевернул господствующие представления и показал, что природа предпочитает именно такие самоподобные структуры треугольникам и кругам. Треугольники и круги, конечно, не утратили от этого своего значения, просто многие вещи «вдруг» стали пониматься совсем по-другому.

Как я уже говорил, особенностью «подхода» является то, что для его понимания вам не нужны подробности. В случае Мандельброта — это математика. Его знаменитая кардиоида

живет на плоскости, в которой по горизонтали отложены вещественные числа, а по вертикали — мнимые. Если мы посмотрим на самый известный из всех фракталов, окружающих нас в повседневной жизни — на дерево, мы легко убедимся в том, что дерево не существует на плоскости комплексных чисел. Числа i вообще не существует в наблюдаемой реальности, это просто абстрактный инструмент. И сам по себе framework Мандельброта является чистой абстракцией, но эта абстракция в корне меняет наше понимание окружающей реальности. Мышление в рамках «фрактального подхода» и мышление в рамках «классической геометрии» может дать совсем разные результаты для одних и тех же практических задач.

Раз уж мы перешли к результатам, напомним, опять-таки, классическую историю о человеке, который рисовал на компьютере горы для рекламы «Боинга». Дело было в эпоху слабых компьютеров и рисование гор пожирало много ресурсов, а сами горы получались непохожими на настоящие. Тогда он решил сделать программу, которая бы создавала горы не как треугольники, а как фракталы и результат превзошел все ожидания, ибо горы нельзя было отличить от настоящих, а ресурсов при этом поедалось значительно меньше. Все это, в итоге, изменило индустрию компьютерных спецэффектов в кино, с треугольниками и кругами мы бы до сих пор смотрели на картонные декорации.

Мандельброту с его фракталами повезло. Хотя, как пишут, его идеи встретили закономерное непонимание среди части математиков, они все равно были признаны и смогли поменять наше представление о некоторых свойствах нашего мира. Гораздо меньше везет идеям, которые задевают чьи-то интересы. Такие идеи обычно живут в области «социальных наук». Примером такого фреймворка, который может поменять наше представление о реальности, является, на мой взгляд, идея спонтанных порядков.

Как и в случае с фракталами, для того, чтобы начать понимать реальность иначе, совсем не обязательно вникать в «комплексные числа». Хотя самоорганизующиеся порядки есть и

в неживой природе (можно почитать Пригожина, например) и желающие найдут в их описании много самой разной математики, не она здесь является источником понимания. Никакая математика не в состоянии описать спонтанные порядки в обществе и что самое важное, понимание этого подхода означает и понимание того, что любое математическое описание будет лишь мгновенным слепком некой ситуации и его познавательная ценность будет стремиться к нулю.

Но мы не о математике, а о подходе. Собственно, для нашей темы о способности «подходов» менять представление о реальности в идее спонтанных порядков важно соотношение между осознанным замыслом и следованием простым правилам. Порядок по Хайеку возникает в обществе в результате следования каждого (или большинства) простым правилам, а не в результате осознанного замысла правителей или «социальных инженеров». Как и в неживой природе, в результате регулярного применения этих правил, возникают сложные структуры («повторяющееся применения простых правил порождают сложные структуры» - это верно для всех случаев спонтанной самоорганизации). При этом, в случае человеческого общества можно сказать, что результаты регулярного применения простых правил далеко выходят за рамки целей и любого осознанного замысла тех, кто эти правила применяет.

Последнее обстоятельство и есть камень преткновения и причина того, что «спонтанные порядки» не принимаются «на ура». В случае неживой или живой но «не разумной» природы более-менее понятно, что регулярное следование простым правилам может породить сложные порядки, которые обладают новыми свойствами. Поведение стаи скворцов, правильный шестиугольник на Сатурне или те же фракталы — результаты такого рода обстоятельств. Но многим кажется, что с людьми дело обстоит иначе. Человеку трудно поверить в то, что совокупность разумных индивидов сама того не ведая может породить нечто большее, чем замысел каждого из них или их общий замысел, если он существует. Однако, это именно так. Осознанный замысел каждого индивида является лишь элементом возникновения и развития такого порядка.

Такой подход полностью меняет представления о социальной реальности. Кроме того, он имеет и чисто практические последствия. Например, становится понятно, что любая попытка применения осознанного замысла к «обществу в целом» разрушает процесс функционирования спонтанных порядков в нем. Ну, а поскольку, «с обществом в целом» может иметь дело только государство, и поскольку оно преподносит себя исключительно в качестве творца, улучшающего общество с помощью осознанного замысла, вред государства становится очевидным.

Автор: Владимир Золоторев

Спонтанные порядки

[Предыдущая заметка](#) о спонтанных порядках неожиданно [вызвала дискуссию](#), которая, в своей значимой части свелась к вопросу о происхождении государства. Утверждалось, что государство завелось само собой и тоже является спонтанным порядком по той причине, что агрессия — естественное для человека поведение.

Поскольку это утверждение встречается довольно часто, попробуем его разобрать. Это не так просто, как кажется, потому, что нам придется разобраться с тем, что такое «спонтанный порядок», «общество», «государство», нам придется выяснить, что такое «естественное поведение» и где граница, отличающая его от «неестественного» и, наконец, где граница между «внешним» и «внутренним», которая является важной для утверждения о том, что «государство приходит извне» и возражения, что «оно возникает внутри». Совершенно очевидно, что каждое из этих явлений заслуживает полноценного академического исследования, я ни в коей мере не претендую на таковое, я лишь собираюсь показать некие контуры проблемы, которых, как мне кажется, самих по себе будет вполне достаточно

для того, чтобы распознать ошибки в бытовом представлении о государстве и кое-где указать на причины этих ошибок.

Итак, для начала нужно выяснить, что является спонтанным порядком, а что — нет и какими свойствами обладают эти самые порядки. Как уже говорилось — спонтанные порядки — это сложные структуры, которые могут возникнуть при многократном повторении неких простых правил. О происхождении правил в случае социальных порядков мы поговорим в последующих заметках, а пока отметим, что возникновение такого порядка не является целью тех, кто следует правилам. Завораживающие фракталы Мандельброта являются результатом применения простых математических формул, а не порождением ума самого Мандельброта. Шестиугольник в атмосфере Сатурна, шестиугольные «скалы дьявола» в Ирландии и опять-таки, шестиугольные пчелиные соты имеют своей причиной простые законы физики. Атомы газов, частицы лавы или пчелы ничего не знают ни о законах, которым они, оказывается, следуют, ни о том, что в результате получится радующая глаз и удивляющая совершенством абстракция, которую люди именуют шестиугольником, и которая, по их мнению, подразумевает осознающего себя и свои цели создателя.

То есть, спонтанным порядком будет нечто, выходящее за пределы первоначальных намерений действующих субъектов (в случае общества), но, тем не менее, полезное для них. Классический пример того, как создаются спонтанные порядки — это тропинка в лесу, которая возникла «сама собой» и которую никто не прокладывал специально. Каждый стремился к своей цели, тропинка возникла как побочный результат, помогающий (теперь) каждому, кто ею пользуется. Правда, тропинка — это явление в физическом мире. Классические социальные спонтанные порядки существуют не в виде физических объектов, а в виде практик и шаблонов поведения. Некоторые из них легко увидеть — это, например, язык, право, мораль или деньги. Все эти явления не были «созданы», они возникли в ходе человеческой деятельности и теперь они значительно облегчают ее и делают более результативной.

Социальная жизнь изобилует спонтанными порядками, именно они делают ее сносной, а иногда даже приятной. Подавляющее большинство этих порядков трудно вычленишь и вообще говоря, это просто не нужно (почему — об этом речь пойдет в следующих заметках на эту тему). Знание о спонтанных порядках полезно тогда, когда «что-то идет не так», в этом случае люди, которые действительно хотят изменить ситуацию к лучшему, должны выяснить, какой из порядков был нарушен. Это непростая работа, чаще всего доброхоты идут другим путем — они требуют от государства вмешаться, государство, будучи самым большим разрушителем спонтанных порядков вмешивается, возможно даже возникает иллюзия «наведения порядка», но в ходе вмешательства неизбежно разрушаются другие порядки, возникают новые «непредвиденные» проблемы, снова следуют требования вмешательства и так без конца.

Примеры социальных спонтанных порядков можно увидеть в человеческих коллективах. Всем знакомо понятие «сложившийся коллектив», «сыгранная команда» и т. п. Они отличаются от «несложившихся» и «несыгранных» тем, что лучше справляются с задачами. Они умеют делать то, чего нет и не может быть в инструкциях и приказах начальства. Самый простой и очевидный пример — это оркестр. Инструкцией здесь являются ноты. Казалось бы — задача музыканта — просто играть по нотам свою партию. Ноты, в общем-то, довольно ёмкий и подробный язык, но они, как и любая другая инструкция, сами по себе не являются гарантией получения качественного исполнения и звучания, особенно, в тех случаях, когда оно зависит от совместных действий нескольких людей. Понятно, что указания *allegro* и *moderato* или *forte* и *piano* — это очень условные указания. Но даже если вы будете указывать темп в количестве ударов метронома в минуту, а громкость — в децибелах — это мало изменит ситуацию. Качественное звучание достигается только повторяемостью исполнения, то есть репетициями. А на репетициях создается не что иное, как спонтанный порядок, который, в общем случае, определяет, кто, что, когда и как должен играть в данном произведении и в данном коллективе, состоящем именно из этих людей. Музыканты на репетициях

учатся слушать друг друга и понимать дирижера, если это большой оркестр. В результате, каждый из них вырабатывает свои собственные приемы и правила, которые помогают ему ориентироваться в том, что происходит. Интересно, что если вы попросите этих людей описать эти правила, многие не смогут этого сделать, поскольку для того, чтобы следовать этим правилам, их не нужно рационализировать.

Однако, спонтанные порядки существуют в основном, за пределами неких очерченных границами коллективов. Например, передача денег за билет в маршрутке (и сдачи обратно) — это настоящий кошмар для мейнстримных экономистов. Их теории предполагают, что деньги никогда не дойдут до водителя, по пути их кто-то обязательно присвоит (это будет самый сильный самец в стае, ага). Ведь издержки для присваивающего минимальны, люди в маршрутке не знакомы друг с другом, за обиженного никто не вступится. Да что там, самый сильный самец, каждый передающий отщипнет по пути по чуть-чуть и что ты ему сделаешь и как докажешь? Он скажет, что это не он, «смотрите лучше за своими деньгами». Издержки такого вида воровства в этой ситуации тоже стремятся к нулю. То есть, если такому экономисту (а их в нашем мире подавляющее большинство) сказать, что часть общественного транспорта будет состоять из маршруток, где люди будут передавать деньги за проезд и сдачу из рук в руки, он рассмеется вам в лицо, назовет вас наивным, оторванным от жизни мечтателем. Он предскажет появление специального бандитского промысла (немного пограбил, пригрозил водителю, вышел, сел в следующую маршрутку, и так за день заработал себе на хлеб с маслом), и, конечно же, он предскажет полное фиаско и неизбежное банкротство маршруточного бизнеса.

Тем не менее, маршрутки ездят. В движение их приводит сила спонтанных порядков.

И последнее на сегодня. Я привел несколько примеров простых спонтанных порядков, но существует еще и такой себе мега-спонтанный порядок, который Хайек называл «расширенным порядком человеческого сотрудничества». Иногда его называют

«рынок», особенно в тех случаях, когда хотят сказать, что «рынок решит», ту или иную ситуацию. Этот порядок действительно универсален и глобален в том смысле, что простые правила, которые его образуют, встречаются везде, где есть человеческие сообщества. В дальнейшем мы будем говорить преимущественно об этом виде социального спонтанного порядка.

Как люди победили агрессию

Прежде чем мы продолжим рассмотрение вопроса откуда берется государство, я должен заметить, что это очень обширная тема, которую трудно раскрыть в рамках нескольких колонок.

Я попробую сделать лишь самое общее описание, за пределами которого обязательно окажутся вопросы, которые тем или иным читателям покажутся важными. Это неизбежно, поэтому заранее прошу меня простить.

Итак, вернемся к нашей теме. Одной из проблем, с которой сталкиваются антропологи и представители других наук, изучающих происхождение и эволюцию человека, является неагрессивность. Понятно, что для того, чтобы человеческое сообщество могло существовать и объединять количество людей, далеко выходящее за рамки прямых родственных связей, люди должны быть неагрессивными по отношению друг к другу. Объяснений этого обстоятельства, вероятно, существует много. Я постоянно встречал ссылки на «размер мозга». Этот самый размер служит объяснением вообще чего угодно. Бывают и другие объяснения, недавно мелькало что-то о том, что наши предки, оказывается, ~~курили~~ ели какую-то траву, которая делала их неагрессивными.

Все эти объяснения, как фантастические, так и те, что выглядят разумно, так или иначе, пытаются объяснить неагрессивность внешними, несоциальными причинами. То ли человек был уже настолько умен (размер мозга), что мог понять, что агрессия невыгодна, то ли были какие-то другие факторы, вроде травы,

которые ограничили его агрессию.

Однако, понимая общие закономерности функционирования современного общества и видя отчетливую и не вызывающую сомнений социальную эволюцию, логично предположить, что человеческое общество начинается там, где биологическая эволюция дополняется социальной. То есть, факторы, ограничивающие агрессию и «укрошающие дикаря» имеют внутреннюю социальную природу.

Социальная (или культурная) эволюция — это эволюция практик и шаблонов поведения. Обезьяна не эволюционировала биологически в человека, как это рассказывают на уроках биологии, это случилось на другом уровне. Человеками стали те наши общие с обезьянами предки, которые в биологическом эволюционном процессе набрали на социальную эволюцию. Как пишет Хайек: «механизм культурной эволюции действует не с появления *Homo sapiens*, но в течение долгого времени существования рода человеческого и его гоминидных предков».

Разумеется, можно сказать, что для того, чтобы быть способным усваивать практики и шаблоны, и что гораздо сложнее, - усваивать некие универсальные правила, то есть, уметь применять некую концепцию к разным ситуациям, - нужно обладать определенными биологическими способностями. Вероятно, это так. Однако, скорее, биологическое развитие наших способностей происходило одновременно с первыми ростками культурной эволюции и какое-то время это были два взаимосвязанных процесса. Опять-таки, культурная эволюция, будучи более быстрой и эффективной, занимала все больше места в судьбе наших предков, пока, практически полностью не отодвинула биологию на задний план. Пожалуй, последнее проявление биологической эволюции, вызванное эволюцией социальной — это способность взрослых особей гомо сапиенс пить молоко. Эта биологическая мутация вызвана культурным процессом — одомашниванием скота — и случилась она исторически относительно недавно.

Сегодня мы имеем дело с «готовыми» формами социальной

эволюции (понятно, что их «готовность» весьма условна), которые наполняют нашу жизнь и меняют ее буквально на глазах («научно-технический прогресс»), однако мы ничего не знаем и вряд ли когда-нибудь узнаем о том, как и почему эта эволюция началась.

«Смысл» социальной эволюции, как и эволюции биологической, состоит в выживании и «преуспевании» сообщества. Только в биологии механизмом являются изменения генов и их передача по наследству, а в социальной — изменения практик, шаблонов поведения и правил и их передача от одного человека к другому. Несмотря на то, что оба процесса выглядят похожими, отличия между ними огромны, о некоторых из них мы скажем дальше.

Собственно, «эволюционный вопрос» применительно к гоминидам состоял в том, каким образом наиболее эффективно использовать друг друга. Гоминиды, как и все социальные животные, являются частью структур, позволяющих им использовать друг друга. В любом случае, существование стаи подразумевает исключение или минимизацию произвольной агрессии ее членов, иначе стая просто не сможет существовать и особи погибнут. Каким образом это может быть сделано? Сейчас нам известны два способа — сосредоточить агрессию в руках самого сильного самца и второй — следовать неким абстрактным правилам (для чего, конечно, нужно иметь соответствующий аппарат, то есть зачатки сознания). Мне кажется, что здесь и лежит развилка, отделившая людей от прочих приматов. Наши предки оказались способными следовать правилам.

Два способа минимизации агрессии приводят к совершенно различным результатам. Результат работы иерархической модели (я понимаю, что я сильно упрощаю и здесь не все так просто) мы можем наблюдать в зоопарке. С экономической точки зрения, животные и «социальные» обезьяны в том числе, это такие специальные существа, которые обладают бесконечным временным предпочтением, они потребляют все, что добывают, не делают сбережений, у них нет капитала и потому нет никакого развития. Поведение определяется рамками произвольных приказов вожака, здесь нет места для сознания, вся система

работает исключительно на простое выживание. Человеческая аналогия такой системы — концлагерь, где заключенных как раз фактически превращают в животных. Кроме того, размеры стаи ограничены способностями вожака контролировать ситуацию и потому относительно невелики. То есть, в этой модели использовать друг друга могут только члены одной стаи.

Другая модель — следования правилам, подражания и обучения продуктивным практикам, в принципе, не ограничивает численность сотрудничающих людей и позволяет им использовать друг друга с максимальной эффективностью. Я сейчас сижу в комнате, предметы в которой созданы трудом миллионов разных людей, о которых я ничего не знаю. Но я использую их для своих нужд. В мире правил появляется и развивается сознание и свободный выбор, появляется время (которого не знают животные), планирование, сбережения и капитал. Этот мир развивается, он создает свою среду, а не просто пытается приспособиться к окружающей природе.

Социальная эволюция

В предыдущей колонке мы начали разговор о социальной эволюции. Сегодня мы поговорим о ее особенностях. Итак, эволюция всегда отбирает «лучшие» экземпляры. В чем именно состоит «лучшесть» в случае социальной эволюции и что именно она «отбирает»?

Первое. Если прибегнуть к грубой аналогии с биологической эволюцией, то роль генов в социальной эволюции играют практики и, прежде всего, правила. Именно они «передаются», но только не биологическим путем, а путем подражания или обучения.

Второе. В социальной эволюции нет аналога «вида» в рамках которого происходит передача генов. Если можно так выразится, субъектами эволюции являются сообщества людей, придерживающиеся тех или иных практик. Именно они «выживают» или «не выживают», производя, тем самым, «отбор»

лучших практик.

Третье. Опять-таки, в социальной эволюции «выживание» имеет не буквальный смысл. Точнее было бы говорить о «преуспевании» той или иной группы, хотя иногда различие в практиках приводит к такой разнице в преуспевании, что впору действительно говорить о выживании.

Четвертое. Одни и те же люди в течение жизни могут менять свои практики, переходя в сообщества, которые их используют, или начиная применять эти практики в рамках своего собственного сообщества. Это тоже радикально отличает социальную эволюцию от биологической. Примеров такого поведения множество, прежде всего это эмиграция в более благополучные страны. Люди покидают «свое» сообщество, правила которого их не удовлетворяют и переходят в другие сообщества, с более эффективными правилами. Их дальнейшее преуспевание зависит именно от адаптации к новым правилам. Всем известны истории типа «приехал, выучил язык, купил дом, хорошо зарабатывает» и истории другого типа «сидит на велфэре, живет на Брайтоне, ругает правительство». Есть и другие, более драматичные и масштабные примеры. Эти примеры объединяет явление, когда «культура уходит, а люди остаются». Самый известный пример такого рода — это ответ на вопрос «куда делись римляне после распада Римской империи». Ответ — никуда не делись. Культура, как совокупность практик, представлений и мифов, «ушла», а люди перешли к другим практикам. Другой известный пример, который своими глазами наблюдали многие читатели этой колонки — это распад СССР, там случилось то же самое - культура «ушла», а люди остались. Понятно, что такие явления случаются не вдруг и не за один день. Нельзя заснуть советским человеком, а проснуться буржуином. В конце концов, после 25 лет после распада, у нас и сейчас в изобилии можно найти представителей «советской культуры», однако, это не отменяет того факта, что эта культура не играет больше решающей роли.

Пятое, самое радикальное и самое важное. Нужно понимать, что «следование правилам», особенно, когда мы говорим о ранних этапах социальной эволюции, не есть осознанный выбор, а,

скорее, результат обстоятельств или даже набора случайностей. «Фишка» здесь в том, что «хорошие» правила, создающие спонтанные порядки, касаются индивидуального поведения, а не регулирования «преуспеяния группы». Именно правильное индивидуальное поведение создает эффекты, которые распространяются на всю группу и дают ей конкурентные преимущества по сравнению с другими группами. Эта мысль до сих пор является радикальной и полностью противоречит господствующему позитивистскому видению мира.

Более того, эта мысль попросту обидна для самонадеянного «разума», которому кажется, что на человеческие сообщества не распространяются объективные законы природы и который уверен в том, что «социальное» - это синоним «осознанно планируемого». Нет, эволюционно удачливые группы гоминидов отличаются от неудачливых тем, что они набрали на такие правила, которые сделали возможным включение «невидимой руки». Это дало этим группам радикальное преимущество перед другими. Ни последствий этих правил ни, тем более, механизма их действия они не понимали. Как говорил Хайек, «не мы выбрали эти правила, скорее, это они нас выбрали». Поэтому, возвращаясь к нашему вопросу «как люди победили агрессию», можно совершенно точно сказать, что сделали они это неосознанно. Не существовало никакого супергероя, который, выступая на общем собрании будущих гомо сапиенсов сказал: «А теперь я победю агрессию! Делайте все вот так и вот так и мы станем людьми!» Ничего такого не было и не могло быть. Просто те, кто не последовал правилам, создающим полезные спонтанные порядки, не выжили. Точнее, эволюционировали в обезьян.

Кстати говоря, этот механизм не понимается подавляющим большинством до сих пор. Хотя идея социальной эволюции старше идеи эволюции биологической, она, по совершенно понятным причинам, не является частью научного мейнстрима и не входит в школьные и вузовские программы.

Непонимание причин возникновения социального порядка имеет еще одно важное негативное последствие — а именно, отсылку на внешний авторитет и осознанный замысел. Люди ощущали,

что они существуют в рамках какого-то порядка, направляющего их действия. Понять причины его возникновения и механизмы работы они не могли, но такое объяснение требовалось. Поэтому, вполне логично, что было выбрано единственно доступное объяснение — порядок дело рук «духов предков» или «богов» или «бога» (в скобках заметим, что «духи предков» все-таки ближе к истине, чем сверхсущества). Все это породило религию и веру сначала в бога, а теперь — во всемогущее государство, которые выступают в качестве внешнего источника правил для подлого, корыстного и эгоистичного человека.

Шестое. Из предыдущего пункта следует интересный вывод. Он состоит в том, что содержание правила отличается от действия, которое оно действительно оказывает на социальный порядок. Для экономиста это, конечно, не новость, так как он постоянно сталкивается с тем, как «хорошие» нормы, которые пытается внедрять государство, почти всегда приводят к «плохим» последствиям. Но мало кто задумывается о том, что сплошь и рядом случается и обратное - «плохие» и даже «дурацкие» правила на самом деле работают в положительном направлении. Питер Лисон, автор книги о пиратской экономике, недавно написал [новую книгу](#), в которой приводит примеры такого рода. Например, всем известны варварские практики «испытания огнем», когда правота обвинения доказывалась результатами испытания, которое состояло в том, что испытуемый должен был держать в руках раскаленное железо. Если руки после этого оставались целыми, без ожогов, то он считался невиновным. Если же появлялись ожоги, то это считалось доказательством вины. Мало того, помимо получения увечий, проваливший испытание должен был заплатить немалый штраф. Если испытуемый проходил испытание, то он считался невиновным. Если же он признавал вину, не прибегая к железу, то это избавляло его от увечий и уменьшало сумму штрафа. И знаете что? Документально зафиксированы факты того, что множество людей прошли это испытание без ущерба.

Дело в том, что железо было не таким уж и горячим. Испытание проводилось в форме церковного ритуала, который занимал определенное время. Если человек действительно был виновен в

том, в чем его обвиняли, у него было время подумать. Правило стимулировало такого человека признать свою вину, ведь в этом случае он сохранял в целостности свои руки и платил меньший штраф. Если же человек был невиновен, то он полагал, что Господь защитит его (в этом, собственно, и состояла суть испытания — Бог должен был защитить невиновного) и смело брался за железо.

Собственно, правило, в его важной для социального порядка форме, состояло в том, что если человек решился на такое, то он невиновен. Поэтому тайная инструкция предписывала церковнослужителям, чтобы к моменту испытания железо было такой температуры, чтобы его можно было безопасно взять в руки.

Для нас тут важно еще и то, что эта хитрая схема — пример работы «невидимой руки», то есть спонтанного рыночного порядка. Эту схему не изобрели, а открыли. Точнее, она «сложилась». Это легко увидеть, если проанализировать условия, в которых она возникла. Эти условия таковы — массовая вера, независимые монастыри (не приходские священники, связанные со своей коммуной, а монахи проводят ритуал), конкуренция юрисдикций в рамках одной территории. Последнее — самое важное. Церковникам нужно было привлечь клиентов к каноническому праву и это подстегивало их «открыть» систему, которая бы реально работала. Невозможно представить себе наставника, объясняющего юному монаху суть задачи следующим образом: «Понимаешь, мой юный друг, в наши средние века еще не существует досудебного расследования, да и прочий энфорсмент очень сильно хромает. Поэтому разумно будет, если мы создадим такую систему, которая возложит бремя доказательства вины на самого обвиняемого». Ничего такого не было, был естественный отбор методов, которые позволяли бы привлечь клиентов к своей правовой системе. Кстати, об условиях. Еще раз обращаю внимание на то, что система может работать только тогда, когда все верят в Бога. Чтобы смело хвататься за раскаленное железо для того, чтобы доказать свою невиновность, нужно было верить в то, что Господь обязательно

защитит. Как только безоглядная вера перестала быть массовой, система начала давать сбои и была, в итоге, заменена менее «варварской».

Седьмое. Коль скоро эффективность правила затруднительно определить исходя из его содержания, то очевидно, что вместе с полезными правилами нашу жизнь отягощает масса бесполезных и вредных, даже помимо тех, которые в массовом порядке производит государство. То есть, далеко не любое правило является полезным, только потому, что оно существует. Одна из «задач» социальной эволюции как раз и состоит в том, чтобы избавляться от таких правил. Интересно, что наблюдения показывают, что дело именно так и обстоит. Жизнь «дикаря» далека от наивных представлений о некоем «золотом веке», когда все были свободны и счастливы. Наоборот, дикарь был ограничен бесчисленным множеством табу, большинство из которых были вредными или бесполезными. Но где-то среди этого мусора были и полезные правила, причем, полезные не по своему содержанию, а по механизму своей работы. Именно эти правила и позволили его сообществу выжить и развиваться. История человеческих сообществ - это история в том числе и того, как эволюция постепенно избавляет нас от нормативного мусора.

Восьмое. Очевидно, что ситуация, когда одни люди имеют возможность навязывать другим некие правила, будет оказывать разрушающее воздействие на общество. Еще более разрушительным будет воздействие тогда, когда якобы существует возможность «выбирать» такие навязываемые правила. Очевидно, что в этом случае люди, желающие получить власть, всегда будут ориентироваться на содержание правил, а не на их последствия.

Мораль и право

Итак, в [предыдущих заметках](#) мы говорили о том, что для того, чтобы наилучшим образом использовать друг друга, люди должны были ограничить агрессию.

Оказалось, что это возможно сделать путем [социальной эволюции](#), то есть, своего рода естественного отбора практик, позволяющих не только ограничить агрессию, но и «запустить» работу рыночных спонтанных порядков. В результате, те сообщества, которые (неосознанно) использовали правила определенного вида, «выжили», то есть, преуспели больше чем другие (думаю, понятно, что когда я говорю «должны» или «возможно сделать» я не имею в виду осознанный замысел, а просто описываю естественный ход событий наиболее удобным для понимания способом).

В общем, в итоге в человеческом сообществе возникло два вида спонтанных порядков, которые непосредственно «отвечают» за то, чтобы агрессия преследовалась и всегда была маргинальной. Эти порядки — мораль и право.

Мораль. Собственно, мораль и право, это связанные между собой явления. Мораль, очевидно, является более древним образованием. Это как раз пример того «кипящего супа» представлений о том, что такое хорошо и что такое плохо, в котором «варятся» самые различные идеи. Если попросить сто человек написать 10 главных моральных принципов, мы получим разные тексты, которые часто будут содержать взаимоисключающие нормы. Однако, так или иначе, мы обнаружим в этих текстах и совпадения, и именно эти совпадения укажут нам на то, какие моральные нормы действительно являются значимыми, по крайней мере, для этих ста человек.

Мораль — это яркий пример того, что для социальных правил важно то, как они действуют, а не их внешнее содержание. «Доводы морали не являются доводами нашего разума», то есть, нормы, содержание которых может казаться «неразумным», могут, тем не менее, иметь большое значение для нормальной работы общества. «Рационалистический» бунт против морали, начавшийся в конце 18 века, как раз и был вызван этой проблемой — отождествлением содержания моральной нормы с ее значением и непониманием того, как именно «нерациональные» (а значит, «несовершенные», «плохие»)

нормы вносят порядок в социум. Этот бунт, как известно, открыл дорогу трагическим экспериментам 20-го века, имевшим катастрофические последствия.

С другой стороны, поскольку, мораль является хаотическим супом, в который каждый может попытаться добавить что-то свое, очевидно, что наряду с полезными нормами, она содержит и бесполезные и вредные. Мало того, очевидно, что нормы, когда-то бывшие «полезными», могут со временем оказаться «бесполезными», как, например, сексуальная мораль в ее патриархальном виде.

При этом, конечно же, мораль ни в коем случае не «относительна». Нет никакой «вашей» и «моей» морали, если бы «у каждого была своя мораль», никакой морали бы не потребовалось и ее попросту не существовало бы, как не существовало бы никакого общества. Мораль существует только потому, что она регулирует отношения между людьми, а не потому, что является их изобретением или какой-то непонятной прихотью.

Другое дело, что само это регулирование происходит весьма специфическим образом. В нашей теме важно то, что мораль — это ограничения, которые регулируют агрессию «изнутри» каждого человека. Каждый из нас в ходе взросления усваивает некие нормы, которыми нужно руководствоваться в отношениях с другими людьми. Это дает нам возможность оценивать свое поведение и поведение других. Повторю, - у каждого могут быть свои варианты этих норм и множество мусора, которые он тоже будет считать нормами, но мораль, как реальный социальный инструмент, а не как чьи-то фантазии, будет работать там и тогда, где и когда понимание норм приблизительно совпадает. В этом случае появится «осуждение» или «одобрение» которое будет иметь реальное регулирующее воздействие. И, собственно, социальный механизм состоит в том, что под действием эмоций, вызванных одобрением или осуждением, индивид делает нечто или, наоборот, отказывается от действия. То есть, мораль устанавливает **внутренние** границы допустимого поведения по отношению к другим людям.

Право тесно связано с моралью, но в отличие от нее, является универсальным и часто формализованным набором правил и принципов. В отличие от морали, это **внешние** границы индивидуального поведения, это «заданные» правила и нормы. Понятно, что о праве можно написать очень много всего и разного, здесь мы ограничимся только моментами, важными для нашей темы.

Нам нужно решить две задачи — описать право, как спонтанный порядок и выяснить, как такой порядок может ограничивать и маргинализировать агрессию.

Наиболее простым способом описания права как спонтанного порядка является сравнение его с другим спонтанным порядком — языком. Фуллер назвал право «языком человеческого взаимодействия» и для нашей темы это очень точное определение.

Напомню, что язык — это спонтанный порядок, который никто не создавал и которым никто не владеет. Фактически, язык — это набор правил, который находится в голове у каждого и которыми этот каждый пользуется для правильного извлечения звуков, объединения их в слова, а слов — в предложения. Поскольку этот набор существует в голове у каждого, люди способны общаться и понимать друг друга. Если эти правила нарушаются, коммуникация затрудняется или ее не происходит вовсе.

То же самое можно сказать о праве. По сути, это набор правил в голове у каждого, и мы все являемся «правоносителями», как и «носителями языка». Если бы этих правил не было вообще, мы бы не были социальными животными, а если бы они были другого типа, мы были бы обезьянами, а не людьми.

Конечно, право, как спонтанный порядок, намного сложнее языка, в нем важную роль играет не просто абстрактная, но и сильно формализованная часть, кроме того, «правоносители» проявляют куда большую творческую активность, нежели «носители языка». Помимо этатистских и позитивистских недоразумений, связанных с правом, его понимание страдает еще и от того, что правом часто считают лишь формализованную часть этого спонтанного

порядка. Более того, иногда правом считают только процедуры разрешения споров и конфликтов, но споры и конфликты невозможны без причины, а причиной как раз является разное понимание правил, которым люди следовали до того, как начался спор. То есть, говоря о праве мы должны иметь в виду все правила, которым люди следуют при взаимодействии друг с другом.

Как и в случае языка, для успешного взаимодействия необходимо, чтобы набор правил в голове у взаимодействующих был примерно одинаков. То или иное правило становится правом тогда, когда оно становится универсальным, то есть, всегда применимым в однотипных ситуациях. В свою очередь, правило будет универсальным, если оно будет справедливым, то есть, если каждый примерив его к себе, согласится с ним. Пример наиболее универсального правила это запрет убийства (murder). С этим правилом согласны все люди, живущие на Земле, включая убийц. Они, как и все прочие, не хотят быть убитыми.

И, наконец, мы подошли к тому, как правовой спонтанный порядок ограничил агрессию. Здесь человечество выработало универсальное решение — страхование. Это решение вы найдете в обычном праве любого народа, исключений здесь, скорее всего, не существует. Суть механизма в том, что убийство имеет свою цену. И эту цену платят страхователи — семья (или так называемая «расширенная семья») убийцы. Цену регулирует рынок, исходя из того, что она должна быть настолько высокой, чтобы один человек не мог ее выплатить. Например, вергельд в средневековой Исландии составлял сумму, которую обычный человек мог заработать за 12,5 лет. То есть, убийце всегда нужно было обращаться к родственникам, для того, чтобы заплатить за убийство. Мало того, родственникам убитого вообще не нужно было знать как будет поступать убийца, они просто сразу шли к его семье. Таким образом, страховая группа была кровно заинтересована в надлежащем поведении своих членов, так как именно она платила «цену крови».

Сопrotивление убийцы обычно заканчивалось объявлением вне закона. Это означало изгнание и, как правило, верную смерть.

Люди в те времена зависели друг от друга не только через механизмы невидимой руки, как сейчас, но и непосредственно в буквальном смысле слова. Поэтому изгнание было самым страшным наказанием. Если же семья не хотела платить за своего члена, дело заканчивалось кровной мезтью. То есть, система работала так, чтобы издержки отказа от следования закону были выше прибылей. Это самоподдерживающийся спонтанный порядок. Он не нуждается в существовании «могущественного третьего» - внешней силы (в роли которой сегодня выступает государство), которая будучи «над схваткой» принуждала бы людей следовать закону. Таким образом, социальная эволюция создала два спонтанных порядка — мораль и право, которые ограничили агрессию «изнутри» и «снаружи».

Сферические люди в вакууме

Прежде чем мы перейдем к тому, почему и как возникло государство, нужно остановиться на одном очень важном моменте, без рассмотрения которого вся наша затея теряет смысл.

Я говорю о некоем дефолтном представлении о человеке, как о существе, которое одинаково легко выбирает «добро» или «зло», «хорошее» или «плохое». Вы легко найдете массу примеров такого представления в рассуждениях на самые разные темы. Спектр простирается от «олигархи все скупают» до рассуждений о том, почему невозможно свободное общество.

Это же представление доминирует в социологии, когда ей приходится в голову изучать кооперацию и в экономике в версиях институционализма, известных под названиями «школа общественного выбора» и «право и экономика». В последних двух

случаях используется теория игр, где опять-таки, действуют сферические люди в вакууме, неспособные разъехаться на перекрестке, потому, что «каждый игрок максимизирует свой выигрыш».

Разобраться с этим ошибочным представлением следует потому, что объяснение того, как и почему возникает государство будет бессильным до тех пор, пока в голове присутствует идея о том, что дефолтное состояние человека — это состояние «чистого листа», сферического в вакууме субъекта, который с равной непринужденностью будет или грабить или торговать.

Дело тут в том, что и интернет-дописувачи и социологи и экономисты с математиками полагают, что они исследуют ситуации, когда правил еще нет. Именно это вы услышите в ответ на замечание о том, что в жизни сферические в вакууме люди не встречаются и две машины обычно оказываются в состоянии разъехаться на перекрестке. Они хотят понять, как возникают и как поддерживаются правила. Когда они доказывают вам, что свободное общество не жизнеспособно, потому, что он-же-с-ножом-к-вам-и-что-вы-ему-сделаете они имеют в виду, что в свободном обществе нет никаких правил и ограничений и поэтому, что бабушку зарезать, что контракт заключить — все едино.

Тот факт, что в жизни сферические люди не встречаются они объясняют наличием государства, которое не зная сна заботится о нас и, в общем смысле, является «могущественным третьим», который в силу своей нейтральности и могущества способен принудить не резать бабушек, а заключать контракты.

Из этого всего следует такой вывод — если государство каким-то образом исчезнет из нашей жизни, все люди немедленно возвратятся в «состояние по дефолту», то есть, превратятся в сферических в вакууме хомо экономикусов и начнется ого-го что.

Существует два способа опровержения этого заблуждения. Первый - показать логическую несостоятельность всех этих аргументов, второй - показать, что дефолтным состоянием не является состояние сферического человека в вакууме.

Для того, чтобы прибегнуть к первому способу, нужно просто попросить объяснить, каким образом государство появилось до того, как появились бабушки, автомобили, дороги и контракты. Ведь именно так все и должно было произойти. Если могущественный третий нейтрален и способен принуждать к исполнению правил, то правила должны были существовать и быть известны ему до того, как появились те, кто должен их подчиняться. Объяснить волшебное появление могущественного третьего с томиком правил, разумеется, невозможно.

Рассмотрение второго способа — объяснение того, что дефолтным состоянием не является состояние сферического в вакууме человека является целью этой колонки.

В предыдущих заметках мы выяснили, что правила появлялись вместе с появлением человеческого сообщества, собственно, это один процесс. Если сферический в вакууме человек и существовал когда-то, то это было очень давно и человеком его можно считать только технически. Мы живем в сообществе, основой которого являются правила и эти правила, строго говоря, являются причиной того, что сообщество не разваливается.

Этот момент мы уже [разобрали](#), сейчас мы остановимся на другом важном моменте, который поможет понять, почему правила не исчезают и почему они все время поддерживаются (хотя и постоянно изменяются). Тогда нам станет ясно, почему сферический в вакууме человек является не дефолтным, а глубоко маргинальным состоянием человека.

Давайте вспомним наш оркестр из [первой колонки](#). Если из оркестра уйдет один музыкант, оркестр все равно сможет выступать. Пришедший ему на замену, возможно будет сначала не так хорош, но через какое-то время, он поймет что к чему и все встанет на свои места. Если же вдруг уволятся все музыканты, это будет катастрофой. Оркестру понадобится не только нанять новых музыкантов, ему понадобится время (величина которого зависит от квалификации и опыта новых оркестрантов) для того, чтобы он вообще смог выступать.

С обществом и правилами все то же самое. Оно не распадается и всегда способно «выступить» по двум причинам. Первая —

правила, по которым мы живем — это правила выживших, то есть, те, которые направлены на поддержание кооперации и сотрудничества в обществе. Вторая причина состоит в том, что «новые люди» поступают в систему постепенно. В каждый момент времени подавляющее большинство общества составляют люди, которые уже знакомы с правилами. «Новые люди» - это дети и подростки. У людей очень длинное детство и все оно уходит на то, чтобы освоить (что, кстати, совсем не равносильно «понять») правила «социального общежития». Мало того, пока все это происходит, дети находятся под опекой своих родителей.

Мы все приходим в готовую среду, в готовый социальный порядок и тратим очень много времени на то, чтобы освоить его правила. Постепенность поступления «новых людей» и попадание их в ситуацию «готовых» правил есть не просто некое любопытное обстоятельство. Нет, это условие работы системы. Без этого она просто не сможет существовать. Если бы можно было в один миг заменить все население Земли новыми людьми, пускай даже с очень высоким уровнем IQ, но, так, чтобы все — дедушки, бабушки, дети и взрослые стали бы совершенно новыми и не имели бы социальных знаний и навыков, порожденных социальной эволюцией, мы бы увидели гоббсовскую войну всех против всех. Скорее всего, люди бы быстро истребили друг друга, потому что для таких новых людей, что бабушку резать, что контракт подписывать — все одинаково. Опять таки, если бы каждое новое поколение действительно было «новой нацией», как говорил Токвиль, человечество не смогло бы существовать.

Человеческое сообщество может функционировать тогда, когда большинству известны правила поведения. Санкции и механизмы контроля являются частью этих правил. Эти правила, как мы выяснили, работают так, чтобы потенциальный нарушитель всегда имел дело не только со своей жертвой, но с целой коалицией, которая будет действовать против него как явным, так и неявным образом. Все это приводит к тому, что издержки «плохого» поведения всегда гораздо выше издержек «хорошего» и носители «плохого» оказываются на обочине.

Эта система не нуждается в «могущественном третьем», хотя бы

потому, что в ней нет сферических в вакууме людей, не способных различать добро и зло. Эта система существует вне зависимости от того, существует ли в ней государство. Более того, государство и может существовать только по той простой причине, что у него, как паразита, есть хозяин, на котором оно может паразитировать и соками которого оно может питаться. Жизнь этого хозяина обеспечивается спонтанными порядками и системой передачи правил «новым людям».

Aggression strikes back

Теперь мы подошли непосредственно к тому, как и почему возникает государство. Ответ на этот вопрос имеет не историческое, а сугубо практическое значение. Вопрос о том, как возникает государство это вопрос о том, может ли существовать свободное общество. Ведь если государство возникает «само собой», если оно порождается универсальными закономерностями (такими, как закономерности, лежащие в основе спонтанных порядков), то свободного общества быть не может, так как рано или поздно в нем «само собой» возникнет государство. И, если это так, то всем нам следует смириться с неизбежным, расслабиться и ходить на выборы, в надежде, что правильные политики смогут когда-нибудь ограничить ненасытного государственного монстра.

В [предыдущих колонках](#) мы выяснили, как человеческие сообщества ограничили агрессию. Это случилось благодаря эволюции практик и правил, в которой выжили те правила, которые помогают ограничивать агрессию и наказывать за нее. Эти правила действительно универсальны и одинаковы у всех народов. Тот факт, что они совпадают даже у разных расовых групп особенно впечатляет, ведь расовые отличия появились потому, что большие группы людей (точнее, большие группы сообществ) были изолированы друг от друга. То есть, они не могли заимствовать правила и практики у других расовых групп. И, тем не менее, все эти группы имеют одинаковые правила, каждая из них пришла к ним самостоятельно.

Не существует и никогда не существовало ни одного народа или племени, в котором было бы разрешено грабить или убивать своих соплеменников, в котором не существовало бы наказания за воровство или убийство. Это не совпадение, это просто отражение того факта, что иначе бы этих народов или племен не существовало бы вовсе. Те, кто не следовал таким практикам, не выжили.

Теперь перейдем к тому, почему появление государств стало возможным. Напомню, что универсальным решением проблемы агрессии были [страховые группы](#), которые получали компенсацию в случае агрессии против своих членов и платили ее в случае если их член совершал агрессию. Это создавало систему контроля и подавления агрессии, так как агрессор сталкивался с сопротивлением целой коалиции, он всегда оказывался в меньшинстве. Это не означает, что агрессивных актов не было вовсе и не означает, что некоторым агрессорам не удавалось не только выкрутиться, но и преуспеть. Нет, это означает, что агрессия была маргинальной, так как система делает ее издержки выше, чем издержки мирного поведения.

Здесь мы подходим к самому главному, а именно, к тому факту, что группы, какими бы большими они не были, имеют свои четкие границы. Обычное право построено по членскому принципу и этих членов всегда ограниченное число. Те, кто не входит в это число не имеет никаких прав. Чужак не включен в систему взаимного страхования данной группы, за действия чужака никто не отвечает, поэтому он является как потенциальной угрозой, так и потенциальной целью для атаки. Отсюда, кстати, и явление гостеприимства. В дошедшей до нас форме оно в основном, является ритуалом ублажения гостя, но раньше (и кое-где и сейчас) оно имело ясный правовой смысл — гость (чужак) находится под защитой хозяина, а хозяин отвечает за поведение гостя перед своим сообществом.

В общем, поскольку право распространялось только на «своих», оно не распространялось на «чужих». Чужаки по определению были вне закона. Для своей безопасности им нужно было либо стать членом сообщества (что означает стать членом какой-либо

страховой группы), либо воспользоваться процедурами гостеприимства.

Нашим предкам не был знаком современный универсализм, когда все люди видятся одинаковыми в своих правах. Не случайно самоназвания многих племен и народов переводятся как «люди». Мы — люди. Все прочие — нелюди, они вне закона, их можно грабить и убивать.

Агрессия, запрещенная в рамках сообщества, нашла себе применение вне этих рамок. Племена могли нападать друг на друга, грабить, брать в рабство и устраивать геноцид по той простой причине, что право не запрещало это. Решение о войне находилось в области политики, а не права. Война, в свою очередь, узаконивала агрессию. В племенах, промышлявших разбоем, росла власть военных вождей, появлялась военная аристократия. Отсюда уже было рукой подать до государства.

Теперь, вернувшись к нашему вопросу о возникновении государства, мы можем совершенно определенно сказать, что оно не может появиться в рамках *jural community*, то есть, сообщества, связанного между собой правом. Оно может появиться только извне и только в результате войны.

Никакой универсальной закономерности, приводящей к такому явлению, как государство, не существует. Государство, несмотря на его полное доминирование в современном мире — это сугубо историческое явление, его появление и, главное, его выживание и последующее распространение — результат стечения обстоятельств, а не действия закономерностей.

Собственно, проблема, которой воспользовалась агрессия для того, чтобы институционализироваться в виде государства состоит в том, что обычное право «заканчивается» на уровне страховых групп и не распространяется на «чужих». Для того, чтобы выяснить, насколько критичной является эта уязвимость обычного права, нужно ответить на два вопроса. Первый — масштабируются ли страховые группы (если это не так, то обычное право не может объединить большие группы людей) и второй - способно ли обычное право выйти за пределы групп

(если это не так, то война является неизбежным злом).

Может показаться, что размер страховой группы ограничен, поскольку кажется, что в нее попадают только ближайшие родственники. Однако, это не так. Обычное право масштабирует страховые группы от семьи через «расширенную семью» к клану, причем, последний не имеет естественных ограничений численности, которые имеют семьи. Сомалийские кланы насчитывают до 2 миллионов членов. То есть, масштабируемость страховой группы не является проблемой. Теоретически, история могла бы развиваться так, что все земляне были бы членами двух-трех огромных кланов, действующих в рамках общего права. Точно так же, право способно выйти за рамки страховых групп и кланов. У тех же сомалийцев существуют процедуры решения споров между членами разных кланов путем судов справедливости, когда судьи назначаются от каждого клана. Более того, сомалийское право Хеер является общим для всех кланов. Другим, более привычным для нас примером является «право peregrinorum», которое зародилось в республиканском Риме (то есть, во времена, когда римское право в полной мере было обычным правом). Peregrini — это неграждане Рима, которые, тем не менее, жили и работали в Риме. То есть, это как раз та ситуация, когда человек находится вне страховой группы, не имеет никаких обязательств перед ней, но должен как-то взаимодействовать с теми, кто является ее членами. Римские юристы замечательно справились с этой задачей, peregrini, в результате, могли свободно действовать почти во всех областях жизни, могли заключать браки, наследовать, вести дела и заключать сделки. Единственное, чего они были лишены — это, как мы бы сейчас сказали, «политических прав», как по мне, - весьма незначительная потеря.

В общем, государство выжило исключительно в силу совпадения множества разнообразных обстоятельств. Эти обстоятельства могли быть и совсем другими, то есть, государство — это историческое явление (такое же, как, например, рабство), а не заданная объективными закономерностями неизбежность.

Медленная война

Итак, после новогоднего перерыва мы возвращаемся к теме происхождения государства. Мы выяснили, что государство является прямым следствием войны, а сама война становится возможной потому, что [страховые группы, обеспечивающие защиту от агрессии, имеют границы](#). Страховые группы защищают от агрессии «внутри», но не «снаружи».

Это обстоятельство дает возможность появиться государству, однако, возникает оно далеко не сразу. Это довольно сложная «инновация», которая в своем развитии прошла несколько этапов. Сразу отмечу, что эти этапы не исторические, а технологические, это этапы развития определенной идеи, определенных способов грабежа. В один и тот же отрезок истории мы обнаружим среди государств как новичков, недалеко ушедших от стадии рэкета, так и продвинутые государства, освоившие премудрости паразитирования.

Итак, первый этап — это обычные набеги и стычки между племенами. Это самая распространенная практика в нашей теме. Обычно, после нескольких стычек, все успокаивается и идет дальше своим чередом, правда иногда такие войны могут доходить и до геноцида.

Второй этап — это набеги и войны, которые заканчиваются наложением дани. Это уже более продвинутая версия войны и она подразумевает важное условие — данникам некуда уйти. Неоднократно отмечалось, что первые государства возникли в местах, откуда трудно куда-либо перебраться. Заметим на полях, что если бы земная суша представляла собой, в основном, степи или лесные массивы, то государства попросту не возникли бы, так как самый распространенный и очевидный способ борьбы с государством - «голосование ногами». Это еще один камень в огород тех, кто считает, что государство возникает «само собой», то есть, его появление «запрограммировано» в мирных социальных отношениях.

Третий этап можно назвать «рэкетом». Он отличается тем, что в

отличие от случая наложения дани, где агрессор после победы удаляется к себе домой и оставляет данника наедине со своим горем, здесь агрессор никуда не уходит. Мало того, дань, которая представляет собой определенную конечную сумму, которую нужно выплатить за определенное время (заплатил и свободен), заменяется налогом. Налог, в отличие от дани, не имеет ни срока, ни размера, он взимается всегда и в объемах, которые ограничены лишь способностью его собрать.

И, наконец, четвертый этап, этап перехода к «медленной войне», то есть появления государства, как такового. Он отличается от рэкета тем, что завоеватели не только живут теперь среди завоеванных и берут с них налог, но и «охраняют закон». Как правило, это происходит потому, что завоеватели пытаются установить монополию на закон и таким образом, узаконить и налогообложение.

Эта инновация позволяет сделать очень важную вещь. Она позволяет увековечить войну. Теперь после военной победы война не прекращается, она просто переходит в новое состояние - становится «медленной» или «законной» войной. Теперь завоеватели «на законном основании» могут вести бесконечную войну против завоеванных, подвергая их регулярному грабежу. Соппротивление парализуется тем фактом, что так или иначе государство начинает «решать вопросы» завоеванных, хотя и делает это потому, что пытается получить монополию на право.

На полях здесь нужно отметить, что в этой ситуации выигрывают только завоеватели. Теория Олсона о «стационарном бандите», которая пытается связать Гоббса с экономикой, [глубоко ошибочна](#). Налогооблагаемые никак не выигрывают от того, что после завоевания у них теперь «забирают не все», не подвергают их набегам, не убивают и не разрушают их жилища. Набеги и разрушения не являются альтернативой налогам. Альтернативой как набегам, так и налогам является их отсутствие. И именно этой альтернативы счастливо избегает бандит, который становится теперь «стационарным» и гарантированно получает свой доход, сводя риск для себя к минимуму.

Государство не привносит никакого дополнительного порядка в

уже существовавший, скорее, наоборот. Например, можно напомнить о том, что государство не «охраняло порядок» и не ловило преступников. Оно только их наказывало. Государство по понятным причинам очень ревниво относится к тому, чтобы кто-то еще вершил суд на его территории, поэтому людям, поймавшим преступника, нужно было тащить его в государственный суд. Многим трудно будет поверить в то, что «охрана порядка» и «борьба с преступностью», которую они считают чуть ли не причиной возникновения государства, начала интересоваться его только в 18-19 веках с воцарением демократии. Ну и, конечно же, то, что государственное право заменило реституцию, принятую в обычном праве на наказание, тоже не добавило порядка. Замена реституции наказанием создала фабрики, производящие преступников и являющиеся для них курсами повышения квалификации - тюрьмы.

В общем, этап «медленной войны» стал критически важной инновацией, которая позволила государству выжить и эволюционировать. До тех пор, пока не было сделано это открытие, государства доходили до этапа рэкета, существовали максимум одно-два поколения и исчезали. Подавляющее большинство государств, существовавших на Земле, не оставило после себя никаких следов в виду скоротечности своего существования. Только открытие «медленной войны» позволило государствам закрепиться сначала на специфических в географическом отношении территориях (с которых трудно было убежать), а потом постепенно расползтись по планете, причем процесс их расползания закончился совсем недавно.

Здесь нужно заметить, что когда я говорю о том, что государство исчезало, я имею в виду то, что рэкетиров либо убивали, либо от них уходили, то есть, государство исчезало в буквальном смысле слова, а люди возвращались к своим делам и привычному безгосударственному образу жизни. Мы путаем исчезновение государства со сменой правящей элиты. Но замена флагов, гимнов, «смена политического строя», завоевания одних государств другими и прочие революции с переворотами не создают новых государств, они лишь меняют группы людей,

имеющих привилегию творить беззаконие на некой территории. Украинцы, например, живут «при государстве» со времен варягов. «Новое государство» возникло здесь тогда, когда варяги организовали тут «медленную войну», больше новых государств тут не было (точнее, в рамках современной Украины новым было государство на территории Дикой Степи, когда оно стало закрепляться там во времена Российской империи).

Почему «медленная война» позволила государству выжить? Она узаконила агрессию. Преступные группировки в обычных условиях маргинальны, поскольку преступная деятельность сопровождается высокими издержками на любом этапе. Более того, преступная деятельность обычно ведется для того, чтобы получить средства, необходимые в мирной деятельности. Большинство грабителей и убийц совершает преступления с целью последующей жизни в скромном достатке в рамках системы мирного сотрудничества.

Мне скажут, что существуют же всяческие мафии, которые, судя по всему, неплохо себя чувствуют, но это, скорее, аргумент в мою пользу. Мафии существуют, в основном, на рынках искусственно криминализированных государством или на зарегулированных рынках, где регулирование трудно поддается контролю (например, строительство). Проституция, производство и продажа наркотиков, производство и продажа оружия не является преступлением с точки зрения права. Исключительно государственные хотелки делают эту деятельность преступной и потому на этих рынках возникает мафия и именно с этой деятельности она кормится. Преступная деятельность как таковая, то есть убийства или киднеппинг является здесь скорее необходимым обеспечением основного бизнеса. Не существует устойчивых расширяющихся и процветающих структур, которые бы занимались исключительно преступлениями — убийствами и грабежами. Профессиональных убийц, живущих только с заказов и рассматривающих эту деятельность как постоянный бизнес — считанные единицы, в масштабах всей планеты, возможно — несколько тысяч человек.

И вот представьте себе, что мы оказываемся в мире, где

преступность почетна и уважаема. Воры, грабители и убийцы не скрываются, они открыто живут среди нас, мало того, это уважаемые люди и их довольно много. В телевизорах эксперты обсуждают как улучшить показатели грабежей, в фейсбуках высмеивают маргиналов, доказывая им, что грабеж — это всегда полезно и что ограбляемые, на самом деле, отдают свои вещички добровольно. Сопротивляться грабителям запрещено, за сопротивление наказывают. Вокруг всего этого существует идеология и наука. Тысячи ученых получают престижные премии за доказательства полезности воровства, тысячи философов, экспертов, журналистов объясняют, почему грабить и убивать — это в «человеческой природе» и что это на самом деле хорошо. Ну и, конечно, в отличие от «нелегальных» маргиналов, количество профессиональных легальных убийц в таком обществе — то есть разного рода милиционеров и военных измеряется десятками если не сотнями миллионов.

Как можно дойти до такого? Можно, если узаконить грабеж и силой поддерживать этот закон. Именно это и произошло на этапе появления «медленной войны». Завоеватели, которые через несколько столетий стали уже «своей» элитой, отличаются от прочих членов сообщества тем, что получают свой доход путем регулярного узаконенного грабежа. Узаконивание создает и еще один важнейший эффект — государственная и околосударственная деятельность становится легальной, а в последние 100 лет даже престижной и уважаемой. Философам, обосновывающим необходимость государства не нужно прятаться. Экономистов, изобретающих одну чушь за другой, никто не ловит на улицах, журналистов, воспевающих государство не вешают на фонарях. Даже менты и налоговики живут спокойно и счастливо. Легальность означает, что вся эта деятельность внедрена в ткань обычной мирной деятельности, которой занимаются люди. И это означает, что вокруг нее образуется своего рода рынок, который начинает действовать «сам по себе». Это самое важное и самое радикальное последствие «медленной войны», последствие, которое позволило государству выжить и эволюционировать.

Первые шаги

В [предыдущей заметке](#) мы сказали о том, что государство в версии «медленной войны», то есть узаконенной для членов элиты агрессии, получило возможность эволюционировать. Сегодня мы вкратце рассмотрим первые этапы этой эволюции. Для примера возьмем государства Западной Европы, хотя бы потому, что их история достаточно хорошо известна и непосредственно касается нас самих.

Разумеется, основной «целью» этой эволюции является рост власти и доходов правящей верхушки. Поэтому для этой эволюции полезно все, что увеличивает размеры грабежа и все, что делает его менее заметным. В Европе, о которой мы говорим, в силу некоторых причин, эволюция государств проходила в большей степени по пути маскировки, что, разумеется, не отменяло периодических попыток увеличить открытый грабеж. Однако, такие попытки часто плохо заканчивались для тех элит, которые их устраивали, поэтому эволюционно победила стратегия маскировки.

Каждый из этих этапов характеризуется двумя качествами. Первое — это способность увеличивать доходы правящей группы, второе — способность обмануть жертву, замаскировать грабеж и даже заинтересовать в нем. Здесь нужно сказать, что большинство этих этапов имеет оба качества одновременно. Так, например, национализация образования и увеличивает бюджет и маскирует государство, делая его якобы полезным.

Разделяй и властвуй, появление и стимулирование «групп интересов». Само существование «верховного арбитра» и единственного законного источника правил в виде государства провоцирует появление тех, кто будет пытаться воздействовать на него в своих целях. Получение разнообразных льгот и привилегий от правителей и борьба вокруг этого — типичный сюжет с самых древних времен. «Группы интересов» и их возня стали настолько привычными, что многие полагают, это

свойством общества, как такового. Разумеется, группы интересов могут существовать как с государством, так и без него (например, религиозные группы или, скажем, противники аборт), но социально опасными делает их только государство. Дело тут в том, что группы интересов будут постоянно возникать потому, что государство может радикально уменьшить их издержки за счет перекладывания их на всех остальных. Например, если противники абортов в свободном обществе могут добиться своих целей только агитацией, что подразумевает использование собственных ресурсов, то аналогичной группе давления в государстве достаточно добиться принятия закона. После этого исполнение закона становится обязанностью государства, что перекладывает издержки на все общество.

Правители могут использовать опцию «разделяй и властвуй» в своих интересах, а могут и нет, но она всегда существует. Само по себе появление групп интересов не есть этап некой эволюции, это системный фактор, прямое следствие монополии на власть. Подданные разделены (а значит ослаблены) самим фактом существования монопольной власти.

Исполнение законов. Как мы уже сказали, это был наиболее удачный ход, позволивший государству выжить. Победители взялись исполнять закон побежденных. Специфика этого процесса состояла в том, что побежденные, если это было свободное сообщество, жили по «горизонтальному» праву, а государство в силу своей природы создавало «вертикальное» право приказов, фактически, становясь собственником территории. Процесс подавления приказами обычного «горизонтального» права шел по разному и с разной скоростью. В отдельных случаях он закончился совсем недавно (англосаксонские страны), в других — очень давно (Россия), и [иногда даже можно проследить, как этот процесс протекал](#) (в случае Англии сформировался удивительный микс «горизонтального» и «вертикального» права в виде common law). Разумеется, нам понятнее ситуация, когда завоеватели приносят с собой свое право, но она характерна уже для эпохи, когда государства завоевывали друг друга. Первоначальная же ситуация была такой: обе группы — и победители и побежденные

живут по обычному праву, но группа победителей также использует в отношении побежденных приказы, то есть нормы, характерные для прав собственности. Поэтому победившая группа закономерно стремится быть единственным источником правил, арбитром в использовании этих правил и палачом, наказывающим за их несоблюдение.

Разнообразие налогов. Дань является окончательным решением конфликта между агрессором и его жертвой. Заплатил - и больше ничего не должен. Налог тоже некоторое время взимался таким образом, то есть был неопределенной по времени и объему версией дани, пока у кого-то не возникла светлая мысль обладывать налогом не людей, а их деятельность и разнообразные события (например, вступление в наследство). Такие налоги мы встретим в Римской империи (а возможно и раньше). Вероятно, корни таких налогов, по крайней мере, в случае Рима, уходят в практику полисов взимать плату за те или иные действия (например, стоянку кораблей в гавани и т. п.). Так или иначе, эта идея прекрасно справляется с обеими задачами — она увеличивает доход правителей и маскирует реальные убытки, которые несет сообщество от налогообложения, неравномерно распределяя их как по времени, так и по людям. Кроме того, публика меньше сопротивляется таким налогам. Если налогообложение «размазано» по видам деятельности, можно выдумать какое-нибудь «обоснование» для каждого случая. Кроме того, борьба с налогообложением, как таковым теперь может быть заменена борьбой с «отдельными недостатками», отдельными «несправедливыми» налогами и т. п.

Появление обязательств у аристократии. «Наши» и «ваши». Если государство выживало, то со временем победители и побежденные «притирались» друг к другу. Европейская феодальная система часто ошибочно представляется некой иерархией (пусть и более сложной и замысловатой, чем привычное нам национальное государство), однако в этой системе сословия имели не только свою «долю» власти, но и обязательства друг перед другом. Романтизация Средневековья в эпоху промышленной революции, бывшая своего рода протестом против новой «обезличенной» реальности,

противопоставляла ей правильную, «более человечную» реальность средних веков. Это был не просто интеллектуальный каприз, для такого противопоставления есть некоторые основания. Хотя само средневековье, очевидно, сильно отличается от его романтизированного изображения, совершенно точно можно сказать, что нет никаких причин для того, чтобы именовать эту часть истории Европы Dark Age.

Так или иначе, со временем аристократия начинает восприниматься как «своя», хотя сословное деление сохраняется очень долго и его следы можно найти и теперь, причем не только в таких странах, как Англия, но и, например, в Польше. Восприятие начальства как «своего» снижает сопротивление налогооблагаемых.

Появление этатистских идеологий. «Право сильного» несовместимо с правом, поэтому если государство начинает защищать закон (что необходимо ему для выживания), то следующим этапом должно стать появление идей, оправдывающих или маскирующих противоречие между «правом сильного» и правом. Такие идеи начинают появляться. К примеру, Фома Аквинский называет налоги грабежом, кроме тех случаев, когда они идут «на благие цели». Это очень полезная оговорка, сделавшая возможной всю последующую апологетику государства.

Инфляция. Помимо налогов, старейшим способом обогащения является инфляция, которая раньше называлась более честно - «порча монеты». Уменьшая содержание драгоценных металлов в монетах, государство «зарабатывало» себе на жизнь. Правда, в старину возможности для этого были ограничены хождением конкурирующих монет и тем фактом, что монеты меняли на вес. То есть, широкомасштабную порчу монеты можно было организовать только если вы Римская империя и поблизости нет конкурентов, выпускающих собственные деньги. Со временем государства избавились от этих досадных недостатков. Рост власти правителя. С утверждением государства основным политическим сюжетом становится борьба за личную власть верховного правителя. Этот процесс всегда сопровождается ростом «полномочий» и сокращением власти конкурентов. На

этом этапе эта деятельность становится одним из основных направлений в расширении государства. Монархии Европы (кроме Англии) приходят к абсолютизму.

Рождение Левиафана

Интересно, что рост государства до Нового времени ограничился достижениями, которые мы назвали [в предыдущей колонке](#). К ним можно добавить разве что присоединение новых территорий в результате военных завоеваний, традиционный для государства способ увеличения доходов.

Однако с Нового времени, где-то с английской революции ситуация радикально меняется. Инновации следуют одна за другой. Сам характер государства меняется до неузнаваемости. Давайте вкратце остановимся на этих инновациях. Для начала скажем два слова о том, что именно «изменилось до неузнаваемости» в государстве. Изменениям подверглась его форма. Государство замаскировалось. Оно спряталось за мифами и верой.

Поясню. До того, как эти инновации завершились (а это заняло несколько веков), государство существовало в относительно ясных отношениях прав собственности. Некая территория принадлежала неким людям, которые и устанавливали на ней правила. Мы оставим сейчас за скобками тот факт, что «права собственности» образуются здесь как следствие из необходимости территориальной монополии. Важно, что эти отношения прозрачны и они по своему характеру соответствуют любым другим отношениям такого же типа, существующим в обществе. То есть, королевская семья (нравится нам это или нет) не отличается в этом смысле от семьи другого землевладельца. Да, конечно в этой схеме тоже есть очевидная проблема. Первоначально территория государства была захвачена, а не куплена или приобретена другим законным образом, поэтому никаких договоров, отражающих сделку на уровне права между фактическими собственниками участков и вновь образовавшимся «верховным» собственником не было. Это означает, среди прочего, невозможность непротиворечивой системы права,

которая бы охватывала в равной степени захватчиков и захваченных. Поэтому постоянно изобретались разнообразные идейные и юридические костыли, которые бы поддержали эту хрупкую систему. Одним из таких костылей, доживших до наших дней, была концепция суверенитета — набор софизмов, призванный объяснить, почему все устроено именно так, как устроено (показательно, как тот же Дайси, обычно отличающийся ясностью изложения, начинает путаться, как только дело доходит до доктрины парламентского суверенитета, в которой сувереном является забавная фикция под названием «король в парламенте»).

Тем не менее, несмотря на костыли, общая схема в которой король и бароны являются собственниками, худо-бедно решала свои задачи. По крайней мере, сама элита придерживалась такой трактовки в своей практике, что позволяло сохранять мир и стабильность. Например, вопреки распространенному заблуждению, феодалы не воевали постоянно друг с другом, по той простой причине, что...не могли. Для того, чтобы другие феодалы не рассматривали вас, как нарушителя конвенции и не вмешивались, вам нужно было найти обоснования войны и в качестве таковых наиболее надежными были претензии на титул собственности. Без такого обоснования феодал-агрессор становился изгоем, против него тут же образовывалась коалиция и он немножко страдал; в общем, действовала [та же механика, что и в обычном праве](#). По этой причине фабрикация претензий на титул могла занимать долгие годы. По этой же причине заключение браков в те времена было настоящей наукой, а изменения правил наследования могли вызвать революцию. Все это радикально изменилось в новое время. Собственник исчез. Место государя из плоти и крови заняла абстракция под названием «государство». В этой колонке мы поговорим о том, как это происходило, а в следующей — почему это произошло.

Итак, принципиально важным моментом стало появление профессиональной бюрократии. Именно коллективный интерес этой группы становится главным мотором всех последующих изменений. Бюрократия появилась как неизбежный результат

расширения государства «вовнутрь», и, в частности, если мы говорим о Европе, как один из результатов политики меркантилизма, то есть, попыток государства зарабатывать на регулировании экономической деятельности, для чего были необходимы орды чиновников. Рост этой группы людей, находящихся на жаловании и кровно заинтересованных в его стабильности был поначалу незаметен, но уже во времена абсолютизма эта группа обладала серьезной властью. «Ваше величество всего лишь традиция» - эти слова были сказаны французскому абсолютному монарху в момент наивысшего расцвета этой самой монархии.

Вместе с бюрократией появилась и идея «государственного», - концепция организации общества независимая от монарха, монархии и вообще от способа управления. Классиком жанра здесь, конечно же, является Гоббс. Гоббс отличается от большинства его предшественников тем, что он преподносит государство не как продукт истории конкретных народов и не как продукт воли монархов, а как неизбежную форму организации человечества. Идея «государственного», существующего отдельно от конкретного государства является матерью всех последующих инноваций.

Сейчас для нас важны две из них. Первая - это «государственный долг». Фактически, это мошенничество, в котором заемщик — физическое лицо, заменяется на весьма специфическое юридическое лицо, проще говоря, подменяет конкретного короля абстрактным государством. Некоторые виды юридических лиц тоже национализируют издержки, однако они все равно находятся в общем для всех правовом поле и несут ущерб от банкротства. В случае государства не происходит ни того, ни другого. Государство само создает «правовое поле» и решение о том, как именно будет возвращен займ и будет ли возвращен вообще говоря, является политическим, а не юридическим. Банкротство государства ограничивается лишь его признанием неспособности платить по счетам, оно не ликвидируется, как предприятие и лишь в наиболее одиозных случаях политики несут реальную ответственность за свои

действия. Самое же главное тут то, что государственные займы «обеспечиваются» налогообложением, то есть, они делаются от имени государства, а отвечают по ним налогоплательщики.

Первоначально цель «государственного долга» как раз и состояла в том, чтобы избавить монарха от необходимости продавать земли и замки в уплату своих долгов и переложить свои проблемы на налогоплательщиков. Несколько позже государства открыли все прелести невозможности реального банкротства и еще позже выяснилась простая вещь — король не нужен. Для того, чтобы брать займы и вешать их на государственный долг не нужна монархия. Эта история — прекрасная иллюстрация моего тезиса о том, что государство, стремясь к расширению, находит все более совершенные формы паразитирования. И в ходе этого процесса могут меняться и «формы правления» и «социальное устройство», в том числе и ликвидироваться либо сводиться к декоративной роли институты, еще вчера казавшиеся всемогущими и незыблемыми.

Вторая инновация — это государственный бюджет, а точнее, появление «государственных расходов» и отделение от них расходов короны. Проще говоря, казна государя превращается в государственную казну, в которой расходы на нужды короны являются лишь одной из статей. В наиболее вызывающей форме это было сделано в Англии, где королю причиталась фиксированная сумма, выплачиваемая раз в год.

Появление государственного бюджета трудно переоценить. Это одно из величайших достижений паразитирования. Еще каких-то 150-200 лет назад состояние королевской казны интересовало лишь кредиторов. Человек (не чиновник и не вельможа), переживающий о том, что в казне нет денег, воспринимался бы как сумасшедший. Никому и в голову не могло прийти считать государственные деньги «нашими» деньгами.

Параллельно шли идеологические изменения. Борьба с монархами породила идею народного суверенитета. Это еще один прекрасный пример эволюции паразитирования, теперь уже на примере идей. Дело обстояло так. Одновременно с

«народным» суверенитетом, начиная с левеллеров высказывается и идея личного суверенитета, а попросту говоря, неприкосновенности прав собственности. Но эта идея, в случае ее удачной реализации, ликвидировала бы паразитирование. Поэтому личный суверенитет игнорируется (эта идея остается на заднем плане у Локка и опять появляется только у Ротбарда), а политически актуальным становится суверенитет «народный». Все это выливается в политическое течение, которое можно обобщенно назвать «республиканством». Его идейная суть состоит в замене суверенитета (предположительно эгоистического и развращенного) монарха на суверенитет (предположительно доброго и справедливого) народа.

Республиканство выросло, в том числе, и из увлечения античностью, которое началось еще в эпоху Возрождения. Европейцы вдруг вспомнили о греческих полисах и римской республике, которые давали им воодушевляющие примеры «служения народу» (особенно римляне) и снабдили их рядом идей, среди которых, например, была идея о том, что должность может существовать отдельно от человека. Это придало становлению бюрократии характер прогрессивного движения. Республиканство просуществовало как самостоятельное политическое течение (и чуть ли не идеология) вплоть до объединения Италии.

Здесь, опять-таки, показательно то, что римляне, которых республиканцы ставили в пример и которым подражали, никакого понятия не имели о суверенитете — ни монаршем, ни, тем более, «народном». Некое подобие идеи суверенитета монарха появляется там только при Диоклетиане, то есть, совсем незадолго до краха. До этого момента император считается одним из сенаторов, а его эдикты — обычными преторскими эдиктами. Понятно, что в республиканские времена, которые брали за образец деятели прогрессивной общественности того времени, вообще никаких идей «суверенитета» не было.

Последний гвоздь в гроб старого порядка забило Просвещение со своим рационализмом, который из естественных наук неизбежно распространился и на «социальную сферу», где благополучно

превратился в позитивизм. Теперь считалось, что государство может и должно приносить пользу (если, конечно, будет правильно и рационально организовано).

Итак, монарха заменила абстракция государства, теперь не монархи, а «народы» владели территориями и изъявляли свою волю через государственные институты. Чиновники и политики были лишь слугами, «людьми, которых мы наняли на работу», а само государство, которое всегда воспринималось как (неизбежное) зло, превратилось в инструмент причинения добра. Идея Гоббса об «искусственном человеке», состоящим из множества людей, воплотилась в жизнь. Левиафан родился. Аплодисменты.

Грандиозные успехи

Итак, в течение каких-то трехсот лет государство [изменилось до неузнаваемости](#). Реальный субъект - монарх был заменен «народом» - искусственным человеком Гоббса, фикцией, от имени которой осуществлялось теперь налогообложение того же самого «народа».

Это полностью поменяло взаимоотношения налогоплательщиков и тех, кто получал доход от налогов. Теперь налогоплательщики могли верить в то, что государство приносит пользу и рассматривать его как «свое». Руки Левиафана оказались развязаны и он немедленно принялся за дело.

В течение исторически короткого времени было закончено присвоение государством денежной системы. Процесс занял примерно 300 лет, но шел он с неодинаковой скоростью, начиная со второй половины 19 века он ускорялся, и завершился в 1971 году. В 19 веке начался процесс присвоения системы образования. Кстати, цель получения детьми знаний никогда не рассматривалась в качестве главной ни в прусской модели, счастливыми наследниками которой мы являемся, ни в американской. В обоих случаях главной и не скрываемой целью присвоенной государством системы была индокризация правильных, с точки зрения Левиафана идей. Собственно говоря,

все, что нужно знать об этой системе заключается в том факте, что государство практически повсеместно наказывает родителей, которые пытаются уберечь от нее своих детей.

В конце 19-го века в Германии и в начале 20-го в Англии государство начало присваивать себе систему социального страхования, которая базировалась на добровольных обществах взаимопомощи. Этот процесс породил сразу двух монстров современного государства — систему здравоохранения, которая практически во всех странах в большей или меньшей степени финансируется из налогов, и систему «социальной защиты», которая полностью финансируется из бюджета. Наивысшим достижением последней являются пенсии по возрасту, которые заставляют младшее поколение работать на старшее и создают своего рода эффект дедовщины.

Вся эта новая система складывалась на фоне становления представительской демократии, которая стала важнейшей ее частью, по сути, мотором, который приводит всю эту машину в движение. Мнение о том, что государство, оказывается, полезно и должно приносить пользу, оправдывало рост государственных расходов и вмешательства в области, до которых еще вчера государству не было никакого дела (охрана порядка, медицина, образование, социальное страхование). Одновременно с этим прогрессивная общественность боролась за расширение избирательных прав, что привело к тому, что выгодополучатели расширения государства и роста бюджетов оказались в его законодательном органе.

До этого момента парламент (по крайней мере, в его классической британской версии) был в некотором смысле тормозом расширения государства, так как обладал «правом кармана». Парламент был органом налогоплательщиков, которые были заинтересованы в том, чтобы налогов было меньше. Для того, чтобы государство что-то получило и что-то потратило, парламент должен был согласиться с расходами короны, что он делал, мягко говоря, не всегда. В отсутствие понятия «бюджета», расходы короны были явлением регулярным но не «автоматическим». Вопрос расходов подлежал рассмотрению каждый раз, когда он возникал и рассматривался в комплексе, то

есть, предметом регулярной дискуссии в парламенте была не только величина расходов, но и источники дохода. Поэтому налоги не были постоянными, они принимались и отменялись в связи с конкретными запросами короны и все это было предметом политической борьбы. Кстати, лозунг «нет налогообложения без представительства» связан именно с этой особенностью системы. Для того, чтобы мы сегодня правильно его поняли, он должен звучать как «нет налогообложения без представительства и согласия налогооблагаемых». Для авторов этого лозунга тот факт, что в парламенте заседают налогоплательщики и что они решают, какими будут расходы короны являлся само собой разумеющимся.

Чем больше расширялось государство, тем в большей степени выгодополучатели налогообложения наполняли собой парламент через механизм расширения избирательных прав. В конце-концов, это привело к удивительному состоянию дел, когда процесс налогообложения оказался полностью вне политического процесса. Налоги теперь никак не привязаны к некой политически определяемой цели, а собираются «вообще». Они представляют собой непрерывный денежный поток, образующийся от средств, изъятых из экономики множеством самых разных способов. Бюджет в этой системе является просто регулярной процедурой перераспределения этого потока на более мелкие потоки и ручейки.

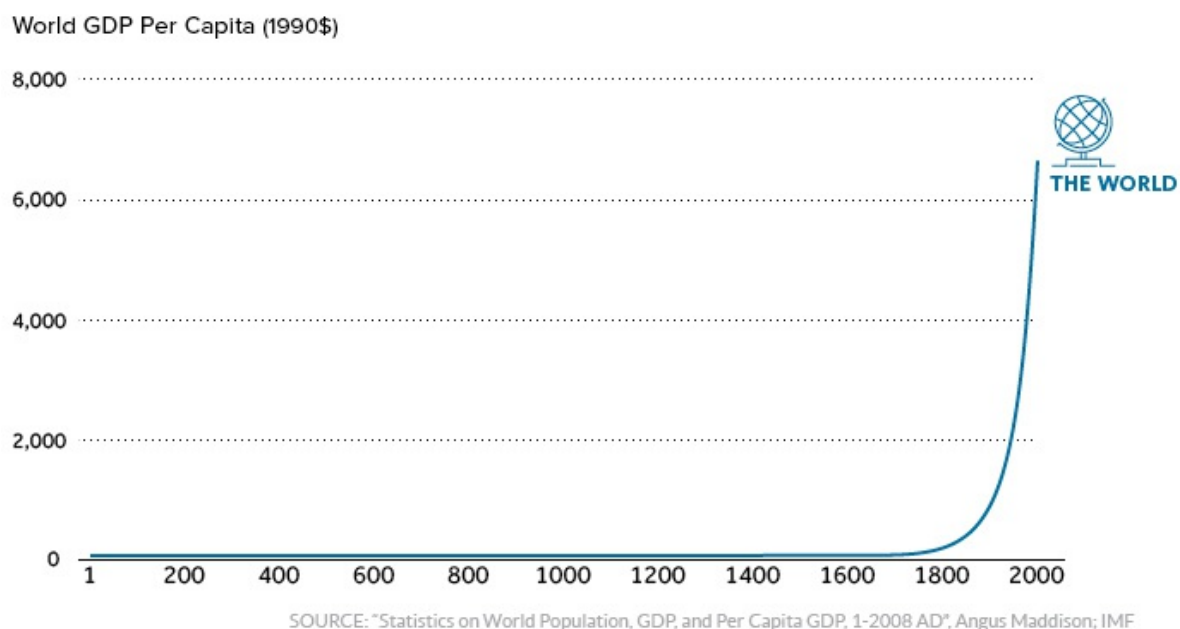
То есть, реальное функционирование современной демократии давно не имеет ничего общего с популярным представлением, в котором «мы» с помощью налогов «собираем деньги» на некие цели. Нет, деньги собираются «вообще» и этот процесс никак не зависит от «целей» и от политической борьбы как таковой.

Среди прочего, такое положение дел делает возможной имитацию «правого дискурса» - в данном случае, борьбу за снижение ставок или отмену тех или иных налогов. Как правило, такая борьба никак не сказывается на государственных расходах в целом, зато защищает систему, так как привлекает кажущейся простотой и эффективностью ее потенциальных врагов.

В итоге, современная демократия представляет собой воплощение гоббсовской «борьбы всех против всех». Поскольку

расширение государства превратило большинство, если не всех, в выгодополучателей бюджетного распределения, то политический процесс превратился в борьбу за долю в этом распределении, при этом, количество групп, которые якобы нуждаются в государственном вмешательстве и в государственных деньгах постоянно растет.

Теперь перейдем к главному. [В предыдущей колонке](#) я обещал поговорить о том, почему государству удалось добиться таких впечатляющих успехов. Давайте посмотрим на этот график мирового ВВП на душу за последние 2000 лет.

Понятно, что показатель ВВП, мягко говоря, не идеален. Понятно также, что посчитать ВВП на душу в первом году нашей эры — весьма сомнительная затея. Тем не менее, если рассматривать этот график исключительно как качественное представление процесса, то он весьма полезен, так как наглядно иллюстрирует три важных тезиса. Первый — большую часть своей истории, человечество жило очень бедно. Второй — рост богатства начался совсем недавно. И третий — этот рост имеет поистине взрывной характер.

Этот график делает понятными причины, по которым государствам буквально в течение 200-300 лет удалось

невероятно увеличить налогообложение. Эти 200-300 лет приходятся на период взрывного роста благосостояния, и в данном случае, это не просто корреляция, а причинно-следственная связь.

Однако, для начала нужно сказать о том, что экономический рост совсем не обязателен. Если бы всяческие войны, эпидемии и прочие катастрофы случались бы чаще или государствам удавалось бы регулярно изымать все излишки, этот график так и колебался бы возле нуля. С другой стороны, экономический рост обусловлен предыдущим развитием, и, прежде всего, накоплением капитала во всех его возможных формах, совершенствованием правил и институтов. То есть, если бы не было катастроф, эпидемий и государств, график рос бы более равномерно, но все равно имел бы характер экспоненты, то есть «развитие» на ранних этапах было бы менее заметным и медленным и сильно ускорялось бы ближе к «нашему времени». То есть, у взрывного роста, который начался с промышленной революции, было две причины. Первая, скажем так, «объективная» — это достижения предыдущей истории человечества, без которых взрыв никогда бы не случился, и вторая причина - причина «ситуативная», то есть обстоятельства места и времени Британии 18-19 веков. Без ситуативных причин взрыва тоже бы не случилось, но он мог случиться раньше или позже и в другом месте. Суть «ситуативных» причин состоит в том, что они должны позволить раскрыться «объективным» причинам экономического роста.

Таким образом, нам остается выяснить, в чем состояли «ситуативные» причины, сложившиеся в Британии. Эти причины можно обозначить как «свободу», которая, в свою очередь имеет множество других причин, среди которых специфическая история Британии, в которой короли так и не получили абсолютной власти, в которой сохранилась более-менее независимая судебная система, в которой существовало уникальное общее право и, главное — некая либеральная в хорошем смысле идеология, которую разделяли как часть представителей «податного сословия», так и часть элиты.

Грубо говоря, совокупность всех этих факторов означала простую

вещь — государство здесь было слабым. Напомню, что слабость государства не означает неспособность чиновников выполнять свои «обязанности», она означает, что граница дозволенного для них пролегает таким образом, что дозволенного остается очень мало. И самое главное, это то, что эта граница устанавливается не «законами» и приказами начальства, а представлениями налогоплательщиков и части элиты о том, что «позволено», а что нет. Слабость государства означает, что оно не может легко увеличить налогообложение в широком смысле и когда у людей остаются излишки, они получают возможность распоряжаться ими по своему усмотрению, что означает, прежде всего, инвестировать. Будучи уверенными в том, что они смогут распоряжаться плодами своего труда, люди охотно занимаются этим, что и приводит, в итоге, к экономическому росту. Однако, дальше начинается самое интересное. Поскольку, как мы сказали, государство здесь является слабым, оно не может просто так наложить лапу на возрастающее богатство подданных. Поэтому оно начинает изменяться, мимикрировать для того, чтобы понизить «цену согласия». Для этого ему нужно предстать в новой роли, роли, которая найдет одобрение и поддержку у самих налогоплательщиков. Государство прекрасно справилось с этой задачей. Не случайно Британия является не только родиной промышленной революции, но и родиной демократии, то есть, всего того ужаса, в котором мы сегодня процветаем. Именно быстрый экономический рост и невозможность обратить его себе на пользу традиционными способами, то есть, буквальным и прямым ростом налогообложения, вызвал эволюцию государства, в ходе которой оно радикально трансформировалось из прозрачной системы эксплуатации в якобы нейтральный «инструмент», служащий благу общества. Это был настоящий успех и даже триумф. Если в начале промышленной революции государство присваивало себе жалкие несколько процентов национального продукта, то сегодня пожираемая им «доля» составляет 50-60%. Да, мы стали больше производить и больше потреблять, но и паразит теперь отнимает у нас большую долю.

Эффект Каплана

Брайен Каплан когда-то написал эссе «Почему я больше не австриец». В нем он объясняет, почему он больше не является сторонником австрийской экономической школы. Среди его сугубо теоретических аргументов были и лирические отступления, непосредственно относящиеся к теме нашей колонки. Каплан вспоминал, как он будучи студентом начитался коварного Ротбарда, который внушил юному неокрепшему уму, что государство это «фу» и государство — это «кака». Когда же Каплан повзрослел, он увидел, что государство — это не «фу» и не «кака», а добрые, отзывчивые люди, с усталыми глазами. Про глаза я, конечно, немного загнул, но суть претензии была примерно такова — Ротбард считает государство злом, но посмотрите на госслужащих и на госкомпании, они совсем не похожи на исчадия ада. Эти самые компании и служащие работают и приносят пользу, и потому, все совсем не так, как говорил Ротбард.

Думаю, не ошибусь, если скажу, что достаточно много людей, впервые услышавших, как либертарианцы обвиняют государство, испытывают этот «эффект Каплана». Причина очевидна — они не воспринимают чиновников, с которыми либертарианцы ассоциируют государство, в качестве правящего класса. И действительно, чиновники (или в широком смысле выгодополучатели налогообложения, то есть «бюджетники») в большинстве своем не выглядят, как хозяева жизни. Как правило, это люди, которые работают какую-то «работу» с 9 до 18, и, как правило, это люди небогатые. Да, их начальство часто «злоупотребляет положением», но бывает же и хорошее начальство, чему тоже есть примеры. Мало того, злоупотребляющие явно же нарушают какие-то там законы и инструкции, то есть, они виновны даже по критериям самой системы, которой служат и только попустительство и коррупция позволяют им существовать.

Обычно ответом на эту критику служит указание на то, что самые страшные преступления могут превратиться в рутинную работу, а

сами преступники могут быть не злодеями и кровопийцами, а вполне заурядными людьми, которым ничто человеческое не чуждо (см. прилагаемое фото жизнерадостного персонала «Освенцима»). Все это мы видели во времена большевизма, ГУЛАГа и во Второй мировой, когда уничтожение людей проводилось в промышленных масштабах. То есть, совсем не обязательно ожидать, что чиновники должны быть человеконенавистниками. Для того, чтобы делать зло, человеконенавистничество - совсем не обязательная опция.

Все это верно, но это лишь часть ответа на вопрос, точнее — лишь один маленький нюанс в этом ответе. На самом деле, если попытаться разобраться в «эффекте Каплана», то он возникает не столько от того, что бюджетники, чиновники и даже политики не сильно похожи на злодеев, сколько от того, что за всей их деятельностью не видно никакой зловещей осознанности и целенаправленности. То есть, если государство существует для того, чтобы грабить, то оно и должно заниматься грабежом, по крайней мере, эта его функция должна четко прослеживаться в политической и идеологической практике. Опять-таки, если либертарианцы говорят, что государство на самом деле грабит, но оно просто «замаскировалось», они должны объяснить, где эта маскировка, почему она возникла и кто же, все-таки, дергает за ниточки.

Например, в случае монархии, мы легко увидим и правящий класс и организацию принуждения и грабежа. Здесь все очевидно — аристократия является правящим классом, она, как правило, не платит никаких налогов, напротив, налоги собираются для ее последующего потребления. Вся эта публика не работает и не приносит никакой пользы, а жирует на отобранные у трудового народа деньги, общество разделено на сословия, это разделение очевидно и наглядно, бедный аристократ все равно остается аристократом, то есть всегда имеет привилегии. Здесь четко прослеживается намерение ограбить пересичных и целенаправленная деятельность для его реализации в виде создания соответствующих организаций и распоряжений (законов).

При демократии же ничего этого нет. Политики у власти

постоянно меняются, чиновники и бюджетники тоже особенно не жируют, четких сословных границ нет, вчерашний политик может ездить в трамвае как простой инженер, чиновник может потерять работу и легко лишиться всех привилегий. Мало того, не просматривается никакого злого умысла ни в речах, ни в действиях политиков. Те же самые монархи и аристократы, в общем-то никогда особо не скрывали своих намерений и своего отношения к нижестоящим классам. При демократии же ничего этого не наблюдается. Политики получают свою власть от народа и после того, как они поработают на народ, они опять становятся его частью. Да, еще не все у нас хорошо и есть отдельные недостатки, политики и чиновники часто используют власть, данную им народом в корыстных целях, но это не свойство системы, а ее баги, которые необходимо исправить. Государство на самом деле — это не зло, как говорят либертарианцы. Государство - это нейтральный инструмент, который раньше находился в руках аристократов — эксплуататоров, а теперь служит интересам всего народа. Либертарианцы, которые часто употребляют такие выражения как «государство делает» или «государство хочет» либо страдают примитивным антропоморфизмом, либо просто выдумывают заговоры, то есть, видят намерения и организованные действия там, где их нет. Ничто не указывает на то, что «государство», то есть чиновники и политики, осознанно планирует и осуществляет сложную деятельность по сокращению свободы и захвату тех или иных рынков и видов деятельности. Если что-то подобное и происходит, то это просто от непонимания чиновниками общественных интересов либо это делается под влиянием групп давления (олигархов). В любом случае, все это может быть исправлено, если к власти придут правильные люди. То есть, в общем виде «эффект Каплана» сводится к следующему утверждению: если вы полагаете, что государство является реализацией некоего преступного замысла (безопасного регулярного грабежа, например), покажите нам субъектов этого замысла и покажите нам этот замысел непосредственно в их деятельности.

Справедливости ради надо сказать, что этатисты редко

формулируют этот вопрос именно в таком виде, но так или иначе, значительная часть дискуссий вращается вокруг него и может быть к нему сведена, особенно когда речь заходит о том, как можно «ликвидировать» или «отменить» государство. Интересно, что либертарианцам будет непросто ответить на него. И тому есть объективные причины. Дело в том, что наиболее последовательная и радикальная ветвь либертарианцев сформировалась под влиянием работ Мюррея Ротбарда. Ротбард был выдающимся экономистом, последователем Людвиг фон Мизеса. Но свой анализ государства Ротбард строил на этике и праве, а не на экономике и праксиологии. Ротбард исследовал причины того, почему государство причиняет и всегда будет причинять вред (потому, что нарушает права собственности). Но возникновение, функционирование и эволюция государства остаются за пределами этого анализа и, соответственно, значительной части либертарианского дискурса. Поэтому «эффект Каплана» остается без внимания. Либертарианцы просто отмахиваются, когда их обвиняют в следовании теории заговора (хотя, конечно, есть и такие, кто действительно в нее верит). Но, тем не менее, чтобы быть до конца понятыми, они должны объяснить, каким образом функционирует государство. Если его деятельность является результатом осознанного замысла некоего правящего класса, то тогда они должны предъявить и класс и его замысел и планы по его реализации.

«Эффект Каплана» можно объяснить, если вернуться к экономическому анализу, к начальным праксиологическим аксиомам. Тогда станет ясно, что не существует ни злого замысла, ни планов по его реализации. Существует взаимодействие людей в определенных условиях, которое и создает, в итоге результат, который можно интерпретировать как результат осознанного заговора. Но об этом мы поговорим в следующий раз.

Куда делся замысел

[В предыдущей колонке](#) мы говорили о том, что сегодня чиновники

и политики совсем не напоминают аристократов прошлого и их действия не выглядят как осознанный замысел по эксплуатации налогоплательщиков, как это было в эпоху монархий. Сегодня мы попробуем выяснить как и почему государство в 18-19 веках превратилось из структуры, цели существования которой были ясны, прозрачны и ни у кого не вызывали сомнений в нечто расплывчатое и неопределенное. Означает ли это превращение то, что государство действительно изменилось и превратилось в «нейтральный инструмент» или же оно просто трансформировалось, не изменив своей сути? Если оно просто трансформировалось, то, опять-таки, как и почему это произошло?

В предыдущем тексте я говорил о том, что для того, чтобы ответить на эти вопросы, нам нужно взглянуть на них с экономической точки зрения. При этом, для анализа нам потребуются только самые базовые представления. Разумеется, лучше было бы иметь под рукой подробную теорию функционирования государства с точки зрения экономики, но пока ее нет, для предварительных ответов на наши вопросы вполне достаточно основ экономической теории.

Для начала зафиксируем важный момент, который состоит в том, что в реальности мы имеем дело только с взаимодействием людей. Только индивиды действуют. Этот принцип называется «методологическим индивидуализмом», он лежит в основе экономической науки. Даже мейнстрим на словах придерживается методологического индивидуализма, хотя на практике игнорирует его.

Конечно, в экономическом анализе можно говорить о «деятельности» организаций и о влиянии на любую деятельность институтов, то есть, шаблонов поведения. Однако, всегда подразумевается, что это определенного рода упрощение, которое помогает в анализе и оно должно использоваться до тех пор, пока оно не критично для его результатов. Так вот, государство никогда не рассматривается с учетом этого принципа. Оно рассматривается as it is, то есть, как «данная»

организация или как институты, но никогда дело не доходит до попыток рассмотреть его, как деятельность людей (я не буду сейчас останавливаться на том, почему институциональный анализ «школы общественного выбора» или микроэкономический анализ Нiskanена не являются такой попыткой).

Если рассмотреть государство через призму человеческой деятельности, то выяснится, что это специфическая деятельность людей, которую можно назвать «узаконенным грабежом» или «безнаказанной агрессией». В обычном обществе грабеж не может быть узаконенным, а агрессия всегда наказывается. Это - условие существования общества, если оно не будет исполняться, общество распадется. В обществе, в котором есть государство, это условие тоже соблюдается, но за одним исключением — оно не распространяется на «государство» в его человеческой ипостаси, то есть, на чиновников, политиков и всех, непосредственно связанных с этой деятельностью.

Это означает, что деятельность по «узаконенному грабежу» становится легальной, то есть, частью человеческой деятельности, как таковой. Таким образом, она становится и частью «рынка» или «расширенного порядка», то есть, системы координации деятельности многих людей.

Это полностью расходится с привычными представлениями о государстве и способе его функционирования. Мы представляем государство как организацию и это представление в рамках нашей темы страдает, как минимум, двумя недостатками. Во-первых, оно ограничивает воздействие государства нормами — приказами, регулированием, либо прямым воздействием, следующим из исполнения норм — государственными закупками, денежной политикой в широком смысле слова и т. п. Наш взгляд показывает, что это воздействие значительно шире. Во-вторых, понимая государство как организацию мы ограничиваем выбор целей и средств только выбором людей, принимающих ответственные решения в государстве. Но это в корне неверно. Если мы попробуем посмотреть на государство с точки зрения человеческой деятельности, мы увидим, совсем другую картину. Мы увидим, что выбор целей и средств всегда остается за

индивидами, даже если эти индивиды — части такой могущественной иерархии как государство. Приглядевшись к этой системе мы сперва обнаружим в ней некоторые «недостатки» и несоответствия (известные как «бюрократизм» и так хорошо описанные Паркинсоном). Более внимательный взгляд выявит, что эти недостатки удивительно регулярны и однообразны и представляют собой, скорее, закономерности, чем ошибки, правила, а не исключения из них. Наконец, мы обнаружим, что внешние границы нашей организации весьма расплывчаты и прозрачны, трудно определить, где заканчивается «государство» и начинается «общество». Мы также выясним, что решения ее «руководства», наоборот, имеют четкие границы в отношении своих «подчиненных» ([неизбираемые и защищенные от увольнений госслужащие составляют подавляющее большинство государства](#)) и прочие удивительные вещи.

Мы также обнаружим и другие обстоятельства. Мы поймем, что прагматическая аксиома «человек действует» относится ко всем людям без исключения, даже к чиновникам. Точно так же к ним относится и следующая аксиома о том, что целью действия является устранение беспокойства. Поскольку человек действует не в вакууме, а среди других людей, то есть, в обществе, его деятельность направлена, как правило на прямое или косвенное взаимодействие с другими. В ходе этого взаимо-действия возникают институты или шаблоны поведения. В обществе без государства человек устраняет беспокойство путем мирного обмена и сотрудничества и потому возникают и совершенствуются соответствующие институты. В обществе с государством наряду с практиками сотрудничества легальными для некоторых людей являются и практики грабежа.

Соответственно, это порождает свои шаблоны и свои институты (например, фиатные деньги) и свои организации (сборщики налогов, парламент, центральный банк, прокуратура и т. п.). Важно, что легализованные практики грабежа действуют одновременно с законными мирными практиками, то есть, «узаконенный грабеж» является частью рынка. Он вплетен в его ткань и потому «рынок в целом» создает для этих практик такие же эффекты, как и для «обычных» практик сотрудничества. И

главный в нашей теме эффект — это удивительная гибкость и приспособляемость, которая достигается «сама собой» без централизованного замысла и планирования.

Результаты, которых достигает «рынок» поражают воображение, но вряд ли кому-то придет в голову говорить о заговоре с целью получения этих результатов. Конечно, большинство людей не понимает, как работает вся эта механика, но все настолько привыкли к особенностям ее функционирования, что мысль о заговоре кажется дикой.

Однако, «государство», как мы выяснили, на уровне человеческой деятельности тоже оказывается частью рынка. И это означает, что гипотеза о заговоре не нужна, чтобы объяснить, как и почему государство изменилось в 19-м веке и понять во что именно оно превратилось. Как и на обычном рынке, людям, связанным с государством достаточно преследовать лишь свои собственные цели, для того, чтобы «система в целом» проявила удивительную гибкость и приспособляемость, что и создает иллюзию замысла и целенаправленного действия. Мы продолжим разговор об этом в следующей колонке.

Тропинки и невидимые руки

[В предыдущей колонке](#) мы выяснили, что мы не сможем объяснить, как работает государство и почему оно вообще существует, если будем считать его исключительно организацией, созданной для определенных целей. Мы говорили о том, что если мы рассмотрим государство на уровне человеческой деятельности, то обнаружим, что его образует специфическая деятельность по «узаконенному грабежу». После того, как государство узурпирует право, некоторые виды грабежа становятся законными и, следовательно, проникают в «ткань рынка». Таким образом, поведение того, что мы называем государством, определяется «рыночными механизмами».

Теперь давайте посмотрим на то, как работает «рыночный механизм», точнее, посмотрим лишь на один важный для нашей темы аспект работы этого механизма. В основе «рыночного

механизма» лежит выбор человеком целей и средств. При этом, выбор всегда существует в рамках человеческой деятельности, а она, в свою очередь, проходит во времени. То есть, сделанный людьми выбор всегда имеет последствия, которые являются факторами будущего выбора как для них самих, так и для других людей. Если мы добавим сюда тот факт, что под выбором не обязательно подразумевается полностью рационально рассчитанное действие и что выборов, которые можно назвать «значимыми для общества в целом» каждый из нас делает по несколько штук в день, то открывается довольно впечатляющая картина.

Последствия выбора одних начинают использоваться другими, что образует «институты» в широком смысле этого слова. Моя любимая аналогия здесь (и как у всякой аналогии у нее есть границы) это тропинка. Люди не прокладывают тропинки специально, каждый из них движется к своей цели, но там где траектории их движения совпадают, образуется тропинка. Что означает аналогия тропинки в нашей теме? Тот факт, что идущим следом будет легче достичь своей цели. Это означает, что до тех пор, пока людям нужны цели, траектории движения к которым (то есть, средства для достижения этих целей) проходят через тропинку, она будет существовать. Это означает также (и это для нас самое важное), что она будет «расти сама собой», то есть удлиняться в том направлении, в котором траектории движения совпадают в наибольшей степени. И, наконец, существует еще одно важное обстоятельство. Наличие тропинки делает выбор в ее пользу (то есть выбор средств определенного рода) более предпочтительным. Иногда проще даже сделать небольшой крюк идя по тропинке, чем ломиться через бурелом. Вы сохраните время и силы. Рост «количества пользователей» приводит к совершенствованию тропинки и, опять-таки, к ее удлинению.

Как мы уже сказали, все начинается с выбора человека. Но этот выбор всегда ограничен множеством условий, как постоянных, вроде физических законов нашей вселенной, так и временных или переменных. Когда мы говорим о том, что тропинка удлиняется, то в рамках этой аналогии «направление», в котором

она будет удлиняться как раз и определяется этими факторами выбора и прежде всего, постоянными факторами. Среди постоянных факторов, которые ограничивают выбор, находятся мораль и право. Они ограничивают выбор в пользу агрессии, повышая его издержки. Поэтому направление, в котором будет удлиняться наша тропинка под воздействием этих факторов известно. Это то, что можно назвать прогрессом в хорошем смысле этого слова. Не иницируя агрессии и давая ей отпор, когда ее иницируют другие, люди создают фундаментальные условия для сотрудничества (явного и неявного) друг с другом. Это означает, что им легче достигать своих целей, а достигнутые ранее цели становятся отправными точками для достижения целей другими людьми. Поэтому мы все дольше живем, все меньше боеем, еще лучше питаемся, все быстрее перемещаемся из одного места в другое, еще легче коммуницируем, несмотря на расстояния и так далее.

Государство узаконивает часть агрессивных практик, то есть, выбор в их пользу не имеет таких издержек, какие он имел бы без государства. Это означает, что эти практики тоже создают свои институты-тропинки. Точно так же, те, кто использует эти тропинки, «удлиняют» их. И точно так же мы легко можем сказать в какую сторону будет удлиняться наша тропинка, так как это направление зависит от постоянных факторов, воздействующих на выбор. Очевидно, что «конечным пунктом» этой тропинки является полный контроль некой группы людей над всеми остальными и возможность безгранично эксплуатировать их для своей пользы.

Система будет развиваться в направлении, заданном ее «характером», она будет развиваться неумолимо, и ее развитие не зависит от намерений тех, кто приводит ее в движение, она зависит только от выбора средств, к которым они прибегают. Именно средства, которые используют люди, являются решающими для того, какой результат в рамках «общества в целом» будет достигнут. В часто цитируемом месте из «Богатства народов» Адам Смит пишет о том, что «не от благожелательности мясника рассчитываем мы получить свой

обед, а от следования им своим интересам». В свободном обществе мясник следует своим интересам в условиях, когда его выбор ограничен высокими издержками агрессии, то есть, собственно поэтому он и мясник, а не разбойник. Для того, чтобы удовлетворить свои интересы он должен использовать определенные средства - продавать мясо другим людям, то есть, обеспечивать их обедом, и таким образом, он «приносит пользу обществу», даже не желая этого. В противоположность этому, государственный деятель, который, наоборот, искренне желает «накормить народ» никогда не добьется этой цели, поскольку средства, которые он использует, не годятся для ее достижения. Он может делать что угодно — раздавать еду, создавать государственные предприятия по выращиванию еды, вводить «регулирование рынка» для того, чтобы еды больше доставалось тем, кто по его мнению должен ее получать — у него ничего не получится. Конечный результат «для общества в целом» будет всегда хуже результата, который получился бы если бы он вообще ничего не делал. Разумеется, масштабы этого «хуже» тоже могут быть разными — от массового голода до потерь и утраченной выгоды в результате регулирования. Эти последствия зависят от того, какие именно меры и в какой именно степени будет использовать наш политик, но они наступят обязательно, то есть, повторю, результат зависит от выбора средств (прибегнуть к узаконенной агрессии), а не от намерений (накормить народ). Теперь проиллюстрируем все это несколькими примерами. Первый пример хорош тем, что он довольно детально описан и читатель, при желании, найдет хорошую литературу по этой теме. Речь идет о присвоении государством денежной системы. Процесс этот продолжался почти 300 лет, сам по себе он состоит из отдельных решений, принятых в разное время разными людьми в разных странах, эти решения стали основой для других решений и так далее. При этом, в каждом отдельном случае, решения диктовались сиюминутными целями, никакой целостной стратегии они не преследовали. Мало того, некоторые важные вехи, такие как «узаконивание» частичного резерва или «введение» обязательного средства платежа в виде государственных банкнот вообще первоначально не были

продуктом законодательства. Не существует никакого «закона о частичном резервировании», есть, в лучшем случае, несколько решений судов, принятые в разное время в разных странах, но система, в итоге, ведет себя так, как будто частичный резерв является признанным правилом и единственно возможным решением. Аналогично «законное средство платежа» тоже первоначально было результатом судебного решения по конкретному делу, хотя теперь это уже и часть «законодательства» многих стран.

Глядя на современную финансовую систему поражаешься ее совершенству как инструмента грабежа и приспособленности для контроля над людьми. Тем не менее, эта система не была продуктом заговора и вообще неких осознанных целенаправленных действий, она сложилась как непредвиденный результат выбора, сделанного огромным количеством людей в разных местах в разное время.

Другой пример — это пенсии по старости. Первоначально это была льгота, которая предоставлялась государством за особые заслуги. В этом виде она просуществовала большую часть своей истории. Затем пенсия стала атрибутом жизни государевых людей, прежде всего, военных, а потом и прочих чиновников. И, наконец, привилегия пенсии начала расширяться пока не достигла масштабов, известных нам сегодня. Теперь безобидные поначалу пенсии имеют поистине роковые последствия. Это разрушение традиционной семьи из трех поколений, поощрение безответственности, огромные расходы, огромные налоги и связанное с этим регулирование, и, соответственно рост власти государства. Пенсионеры теперь являются опорой статус-кво в большинстве развитых стран, а серьезные реформы пенсионной системы считаются «политически невозможными». Опять-таки, если смотреть на это дело со стороны, имея в виду последствия, к которым привели государственные пенсии, оно выглядит как результат осознанного замысла с целью разрушения основ цивилизации и получения полного контроля над людьми. Однако, это всего лишь результат набора действий, предпринятых множеством людей. Даже если в этой истории говорить о политиках, то их интерес состоял в получении голосов на

выборах, а не в создании системы, радикально облегчающей жизнь государству.

Наконец, третий пример из нашей с вами настоящей жизни. Это субсидии на коммунальные платежи, которые наше правительство выплачивает большинству украинских семей. Последствия субсидий не так долгосрочны и радикальны, но, тем не менее, они тоже лежат вне намерений тех, кто эти субсидии вводил. Намерения этих людей были более просты. Во-первых, субсидии — это прямое перекладывание «государственных» денег в карманы приближенных групп. Во-вторых, субсидии позволяют власти выглядеть доброй, что защищает ее сегодня и гарантирует ее завтра. В-третьих, субсидии обязательно расширяют налогообложение. На самом же деле, последствия субсидирования далеко выходят за рамки этих намерений. Если бы украинцы платили «полную цену» коммунальных услуг, это стимулировало бы их делать две вещи. Первое — искать альтернативу, то есть, искать или создавать жилье, в котором расходы на отопление и электроэнергию были бы не так высоки, ставить котлы, строить котельные, перебираться из многоэтажек в частные дома и так далее. Рядом с этим последствием находится и простой вопрос о монополизме псевдочастных структур вроде «Киевэнерго», который обязательно бы обострился и неизвестно, чем бы все закончилось. Второй стимул состоит в создании в многоквартирных домах ОСББ, что ослабило бы коммунальную мафию и, в конце-концов, уничтожило бы ее. В любом случае, украинцы стали бы более свободными, уровень их самоорганизации значительно бы повысился, что автоматически означает потерю власти государством. Но ничего этого не случилось благодаря государственным субсидиям. При этом, повторю, вряд ли среди власть имущих об этих последствиях знает больше 10 человек, а среди тех кто принимал это решение и того меньше.

Таким образом, для объяснения поведения государства нам не нужно прибегать к заговору и вообще к осознанному целенаправленному поведению. Эволюция государства и его расширение являются результатом действий множества людей. Действий, преследующих свои цели, но обуславливающих друг

друга. Каждый сделанный выбор, каждое действие немножко «протаптыкает тропинку» и делает движение последователей более легким, позволяя им достичь еще более удаленных целей и так далее.

О том, что произошло в 19 веке

[В предыдущей колонке](#) мы говорили о том, что когда отношения, основанные на принудительном изъятии собственности становятся законными, они проникают в «ткань рынка». Это, в итоге, приводит к тому, что с некоторого момента поведение государства (и чем дальше, тем больше) определяется «рыночными механизмами». Осознанный замысел (то есть, выбор целей) участников системы больше не играет решающей роли в том, что именно и как будет в ней происходить и последствия все в большей степени определяются «невидимой рукой», то есть, выбором средств.

Понимание этого позволит нам объяснить, что случилось в 18-19 веке в Европе и как государство превратилось в знакомого нам Левиафана.

Напомню, что в это время как раз началась промышленная революция и вызванный ею экономический рост. Масштабы происходящего прекрасно [иллюстрирует график](#) в одной из наших колонок. Рост, в свою очередь, породил социальные процессы, которые в некоторых странах, вроде Англии, привели к разрушению старой меркантилистской системы. Собственно, эти процессы происходили везде в Европе, и «успех» достался тем странам, где государство оказалось слабым и неспособным к эффективному сопротивлению. В них меркантилизм, который был системой монополий и который сводился к регулированию цен и объемов выпуска, был заменен относительно свободным рынком. Это привело не только к радикальному и быстрому росту уровня жизни, но и к смене самого ее уклада. Разрушились и исчезли многие механизмы контроля, присущие «старому» государству (например, исчезли гильдии, которые были не только оплотом

промышленного и торгового монополизма, но и занимались сбором налогов). Государство теряло свою власть и постоянно пыталось что-то предпринимать, запрещая и регулируя.

Государство спасло то, против чего оно так отчаянно боролось. Его спасла та самая «стихия рынка», которая ему угрожала. Рынок означает большое количество независимых игроков, которые свободны в принятии решений и несут ответственность за них. Это создает динамичную среду, в которой постоянно рождаются и проверяются новые решения и идеи. И коль скоро решения «через государство» являются легитимными, они тоже оказываются частью этого процесса. В итоге, «невидимая рука» сконструировала новую формулу государства. Естественность этого процесса иллюстрирует тот факт, что в большинстве случаев государство в лице политиков и чиновников всячески ему противилось и часто дело доходило до революций и гражданских войн. Собственно, формула успеха свелась к тому, что пересичные согласились платить, причем платить значительно больше, чем в старые времена (напомню, их доходы выросли в 30-100 раз) при условии, что теперь их будут допускать к выбору начальства и что в их пользу будут перераспределять часть производимого ими продукта. Там, где рынок вырвался в сторону политических решений, которые обеспечили эти условия, у государств все пошло хорошо и гладко (напомню, в Британии не было революций, в то время, как на континенте они были правилом хорошего тона). И опять-таки, «вырулить» рынок мог там, где он был развит. Поэтому «демократия» в ее современной версии возникла не в России, а в Британии

Процесс трансформации аристократического государства в демократическое можно трактовать как своего рода расширение рынка. До этого времени рынок государства был очень узок, его использовала только относительно небольшая прослойка аристократии и чиновников. Демократия была способом, позволившим расширить этот рынок на все взрослое население (сначала только на мужскую его часть, а потом и на женскую). Это не только расширило и упрочило власть элиты, но и сделало систему невероятно гибкой, она полностью уподобилась

«обычному» рынку. И, самое важное, поведение системы больше не определяется намерениями ее участников, сохранив форму иерархии, государство на деле больше ею не является. Современное государство — это набор рынков по генерации и освоению бюджетных средств, а также по контролю и «маскировке».

Поведение государства и, в частности, его расширение определяет тот же самый по своему характеру процесс, который движет вперед «экономику», «науку» и «прогресс» в целом. В это трудно поверить потому, что «политика» привычно ассоциируется с осознанными намерениями — идеологией, программами и действиями в виде разнообразных директив и приказов. Ее видимые проявления в виде войн и революций, скажем так, значительно более драматичны, чем проявления экономических изменений, однако, это не означает, что здесь действуют какие-то принципиально иные силы. Даже беглый взгляд позволяет заметить, как минимум, ту зависимость, в которой находятся политические решения от желаний и представлений управляемых. Самый полновластный диктатор отнюдь не является ницшенаским сверхчеловеком, полностью свободным в своем креативе, напротив, как писал Гиббон о римских императорах, императоры были в наибольшей степени рабами в этом рабовладельческом обществе. Опять-таки, пример Путина, который является воплощением представлений 86% россиян о правильном и должном у нас у всех перед глазами.

Мы должны понять, что в «политическом процессе», как и в процессе «экономическом» участвует все взрослое население и что решения здесь принимаются повседневно огромным количеством людей. Выборы и прочие события, которые мы привычно относим к таким решениям, имеют скорее ритуальное, а не практическое решение, реальное же поведение системы определяет множество решений, которые принимает множество людей буквально каждый день.

То, как именно выглядит государство и его политика в данный момент времени определяется не программами и волей мудрых (или глупых) правителей, а тем, как «сложился рынок» и в каком

направлении он сейчас развивается. Простой пример. Думаю, все знакомы с концепцией «импортеров» и «экспортеров». Считается, что объективно существует две группы давления, которые имеют противоположные интересы. Экспортеры заинтересованы в закрытии рынков и девальвации валюты. Импортерам нужны открытые рынки и растущая валюта. По идее, если бы именно эти группы были субъектами конфликта, то есть именно от них исходила бы инициатива и именно они планировали бы цели и пытались бы их достичь, то мы были бы свидетелями не только постоянной борьбы между ними, но и свидетелями того, как эти партии меняются местами в разных странах. Но ничего подобного не происходит. Последние 200 лет, когда эта проблематика стала актуальной, прошли практически при полном доминировании «экспортеров». Случаи открытых рынков можно заносить в Красную книгу, точно так же, как и случаи ревальвации валюты. Причина такого положения дел проста. Она заключается в том, что не существует никакого нейтрального государства, на которое якобы воздействуют имеющие собственные независимые интересы «группы давления». На самом деле, всю эту «проблематику» создают заинтересованные в голосах и финансовой поддержке политики. Им, кстати, тоже абсолютно все равно, что именно продавать широкой публике. Мы живем в протекционистском мире потому, что протекционизм на политическом рынке продается значительно лучше, чем свободная торговля. А это, в свою очередь, обусловлено массовым экономическим невежеством трудящихся, которые полагают, что в сделке выигрывает тот, кто продает товар, а проигрывает тот, кто отдает деньги. Публика уверена в том, что «продажа» приносит большую выгоду, чем «покупка» и пока эта уверенность существует, будет существовать и протекционизм, поскольку в этой конфигурации политики могут сохранять и расширять свою власть.

Почему они пилят сук, на котором сидят?

Взгляд на государство, как на рынки, основанные на отношениях

эксплуатации позволяет объяснить некоторые феномены, которые будоражат мозг прогрессивной общественности. И, прежде всего, феномен «иррациональности» или точнее, «нерациональности» государства. Почему государства часто поступают нерационально? Почему они убивают бизнес, с которого сами же кормятся, почему, куда ни глянь, они ведут «неразумную» с точки зрения прогрессивной общественности политику?

Ответ на вопрос почему государство ведет себя неразумно нужно начать с того, что прогрессивная общественность ошибается относительно свойств объекта, под названием «государство». Она считает его организацией и потому приписывает ему способность действовать осознанно в «своих интересах». Общественность различается в этом моменте только пониманием этих самых интересов. Наибольшая часть общественности исповедует наивную веру в то, что государство — это «нанятые менеджеры» и прочее в том же духе и потому «интересы государства» состоят в кормлении поданных и заботе о них. Более продвинутое меньшинство полагает, что государство это просто такая корпорация, которая зарабатывает деньги, прежде всего, узаконенным грабежом. Но ни те ни другие не могут объяснить нерациональность государства.

Действительно, если бы государство было иерархической организацией и его «интересом» было бы обогащение его членов (версию «государства как нанятых менеджеров» мы не рассматриваем в виду ее кретинизма), то кругом был бы Сингапур и Гонконг. Если ты зарабатываешь на грабеже и этот грабёж регулярен и законен, то единственной рациональной стратегией является минархизм, который сводится к тому, чтобы сделать вмешательство государства в жизнь человека минимальным и предсказуемым. Это обогатит этого самого человека и превратит его в буржуина. Ты получишь дохода с такого буржуина куда больше, чем с нищего и озлобленного пейзана (доходы бюджета Сингапура в 2016 году — 44, 86 млрд долларов, при населении 5,6 млн чел., доходы бюджета Украины в 2017 - 35,6 млрд. долларов при населении около 40 миллионов).

Именно взывание к разуму элиты, которая по каким-то причинам не может понять этих очевидных вещей и является сутью классического либерализма в его политической версии. Его стратегия — объяснить элите, просветить элиту или привести к власти свою элиту, которая наконец-то сделает так, чтобы «овцы были целы и волки сыты». Минархистам почему-то не приходит в голову задуматься о том, почему рациональность никогда не оставляет людей, когда они зарабатывают себе на хлеб вне пределов государственной корпорации. Здесь они проявляют удивительную находчивость и сноровку, которая вдруг куда-то волшебным образом улетучивается, стоит им только занять государственный пост. При этом речь не идет о какой-то сложной стратегии, нет, минархизм предлагает очевидное, лежащее на поверхности решение, имеющее к тому же прямые аналогии с такой обыденной вещью, как животноводство.

На самом деле, рациональность исчезает туда же, куда и осознанный замысел. Каждый по отдельности чиновник действует рационально когда он пытается «принести пользу людям» или просто ворует из бюджета. Но поскольку государство является не организацией, а набором рынков, совокупный результат, как мы уже говорили, будет определяться средствами, которые выбирает каждый. На «обычном» рынке этот каждый, чтобы заработать, должен удовлетворить потребности других, на «государственном» рынке — использовать принуждение и грабеж. Поэтому «обычный» рынок приводит к «неуклонному росту благосостояния трудящихся», а «государственный» - к обнищанию. Мы можем также аналитически определить предельное состояние, к которому «стремится» рынок, и в случае государственного рынка это будет абсолютная власть. Подчеркиваю, не рост «фронта работ», не рост бюджета, не набитие карманов чиновниками и не их благополучие, а власть одной группы людей над всеми остальными.

Понимание этого обстоятельства позволяет объяснить все то, что кажется прогрессивной общественности странным, нелогичным и нерациональным. Государственные рынки могут складываться в самые разные конфигурации, среди которых мы увидим и

неподкупных финских чиновников и минимальных швейцарских бюрократов и другие примеры «стран, в которых все работает». Точно так же мы увидим, что в большинстве других случаев, государственные рынки существуют как система откровенного грабежа и транжирства. Конфигурации могут быть разными, но мы не найдем ни одной в которой бы государство со временем теряло бы свою власть. Во всех без исключения странах она только возрастает. И, собственно, проявления этого процесса и выглядят как «нерациональность», «недальновидность» ну и конечно же, как «маразм» и даже «полный маразм».

Финляндия в которой, как верит прогрессивная общественность, нет коррупции отличается от Украины, которая является лидером в этом деле только начальными условиями и скоростью процесса. То же самое можно сказать о «легкости ведения бизнеса» и других показателях «цивилизованности». Во всех странах идет один и тот же процесс, просто начальные условия и скорость этого процесса разные. Горение внешне не похоже на гниение, но это один и тот же процесс окисления.

Очевидным возражением на мое объяснение нерациональности может быть ссылка на такое явление, как реформы. Ведь имеются же прецеденты, когда государственные лидеры ~~с помощью лазера из глаз~~ усилием воли направляли свои страны на путь истинный. То есть, государство может быть организацией и его можно направить для достижения некой благой цели. Такие примеры действительно есть, но если внимательно к ним присмотреться, мы увидим одну особенность — все они проходили в условиях разрухи или сильного «ослабления» бюрократических рынков.

И это, собственно, все объясняет. Проблема реформатора та же самая, что и любого другого регулятора рынка. Только здесь регулируется не «обычный» рынок, а рынок чиновничье-бюджетнический. Проблема, как известно, состоит в том, что государству трудно регулировать рынки, поскольку намерения государства расходятся с намерениями его участников. Поэтому участники рынка уходят в тень, находят обходные пути и так далее. По этой причине государственное регулирование

считается неэффективным, то есть, почти никогда ему не удается достичь заявленных целей. Реформатор имеет ту же самую проблему, только вместо бабушек, торгующих сигаретами у метро, ему нужно урегулировать поведение чиновников.

Тот факт, что все известные реформы случились в ситуациях катастрофы или близких к ней, объясняет нам откуда берутся реформаторы. Германия во время реформ Эрхарда находилась в разрушенном войной состоянии и в оккупации (оккупанты, как известно, были против этих реформ), Ли Куан Ю был сепаратистом (Сингапур отделился от Малайзии) во времена распада Британской империи, Грузия во времена Саакашвили находилась в состоянии, к которому Украина еще даже не приблизилась. Во всех этих случаях (включая Америку и Британию времен Рейгана и Тетчер) чиновничьи рынки были либо истощены и разрушены, либо ослаблены. То есть, на этих рынках было мало игроков, там не было прибыли и потому там некоторое время можно было творить реформаторское самоуправство. Однако, как только там начинала снова расти трава и заводилась какая-то жизнь, государственный рынок возвращался, реформы останавливались и процесс оборачивался вспять. Исключений из этого правила нет.

Реформы есть способ возродить к жизни бюрократические рынки, ранее убитые тем же самым государством, они не доказывают, что государство можно организовать и направить к благой цели. Реформа может случиться (а может и нет), причем только там и тогда, где чиновники потеряют интерес к своим рынкам и не будут сопротивляться реформатору. Как я уже говорил, Украине еще далеко до такого состояния, кроме того, достижение этого состояния само по себе не гарантирует реформ.

И, наконец, действительно радикальные изменения, которые по значимости и последствиям превосходят любые «реформы» часто происходят «сами собой», то есть, они не являются следствием какой-либо спланированной и осознанной государственной политики. Распад коммунизма в СССР или распад меркантилизма в Британии не были продуктом какой-либо организованной реформы, в этих случаях нам ничего не известно

ни о каких «реформаторах».

В общем, никакой особой нерациональности в поведении государства не существует. Например, «нерациональная» прогрессивная шкала налогообложения, которая обедняет, а не обогащает государственный бюджет, просто не служит для цели его «наполнения». Она привлекает голоса невежественных и бедных, она нужна для «маскировки», а не для получения дохода. Точно так же западные правительства не поступают неразумно, когда завозят в промышленных масштабах мигрантов, ненавдящих западную культуру. Мигранты создают проблемы, а проблемы дают государству власть. По этой же причине процветает культурный марксизм и постмодернизм, который нацелен на уничтожение цивилизации, как таковой. И опять-таки, в какую именно конфигурацию вырвет бюрократический рынок, зависит от множества факторов и обстоятельств. На Западе он вырывает в сторону торжества левацкого «либерализма», в России — к псевдоконсервативному «самодержавию, православию, народности». Форма не имеет значения, это просто те конфигурации, в которых государство в условиях данной культуры может получить больше власти. И всегда нужно помнить, что эта конфигурация не есть продукт осознанного замысла. Чиновники, как правило, не преследуют какие-то злонамеренные цели, они, как и все люди, стремятся достичь своих целей наиболее простым способом, результат их совокупных с другими людьми усилий в данных конкретных обстоятельствах и определяет то, «как живет страна».

Кстати, совсем недавно украинская прогрессивная общественность получила опыт несоответствия ожиданий действительности в рамках исследуемой нами темы. Понятно, что этот опыт ничему ее не научил (точнее, научил, как обычно, не тому), но тем не менее, о нем стоит упомянуть. Я имею в виду настроения, распространившиеся среди прогрессивной общественности в начале войны. Настроения эти были таковы, что вот сейчас «объективные обстоятельства» обязательно подтолкнут Порошенко проводить решительные реформы, потому, что только так можно наполнить бюджет и получить так нужную нам поддержку Запада. Прогрессивная общественность

потирала лапки и радостно попискивала в ожидании «объективно неизбежных» реформ и даже придумала для них название «проект витрина». Дескать, из Украины сделают витрину свободного мира, чтобы москали смотрели и завидовали. Разумно? Да! Рационально? Конечно! Но, ~~неожиданно для всех~~ как всегда ничего не получилось. Общественность винит в этом Порошенко, но на самом деле, был бы вместо него Золоторев, все равно ничего не вышло бы, ибо общая картина на рынке (то есть, то, к чему «стремится» рынок) определяется не целями, а средствами. А бюрократический рынок Украины пока что не просто существует, он цветет и пахнет, на нем делаются состояния и отъедаются морды и потому все реформы, даже если у кого-то и возникнет желание их проводить, обречены на провал.

Скворцы и люди

У читателей этой колонки может сложиться впечатление, что если государство ведет себя как рынки, то оно так же эффективно в том смысле, что от него невозможно избавиться. Люди всегда создают рынки, они действуют в собственных интересах и если государство тоже возникает и действует таким же образом, то мы обречены.

Разумеется, это не так. От государства можно избавиться, но ответ на вопрос как это сделать весьма неочевиден или как говорят «контринтуитивен». Для того, чтобы перейти к нему, нам нужно вернуться к тому, с чего мы начали — к спонтанным порядкам.

Является ли государство само по себе «спонтанным порядком»? Давайте разберемся с этим. Для того, чтобы упростить задачу, возьмем в качестве аналогии спонтанный порядок, который существует в живой природе и хорошо известен любителям «самоорганизующихся систем». Этот порядок — стая птиц, конкретно, стая скворцов. Думаю, многие видели видео завораживающего полета птичьей стаи. Стая меняет свою форму, направление и скорость движения, но все это происходит

удивительно согласованно.

Джеймс Шуровьески пишет: «Со стороны движение стаи представляется работой некоего коллективного разума, ответственного за ее защиту. Кажется, что скворцы действуют согласованно, следуя некой стратегии, обеспечивающей лучшие шансы на выживание. В действительности, это не так. Каждый скворец действует сам по себе, подчиняясь четырем правилам: 1) держаться как можно ближе к середине; 2) держаться на расстоянии двух-трех корпусов от своего соседа; 3) не сталкиваться с другими скворцами; 4) если приближается ястреб — уходить в сторону. Ни один из скворцов не знает, что намерены делать другие птицы и у них нет предводителя. Одни только правила обеспечивают движение стаи в правильном направлении, помогают ей отбиваться от хищников и перегруппировываться»

Этот пример должен помочь нам разобраться с тем, что такое спонтанный порядок. Итак, что именно является здесь объектом нашего внимания? Очевидно, это «стая в целом». Но не просто стая. Множество скворцов, одновременно летящих куда-то образует то, что мы можем назвать «стаей», но никакого спонтанного порядка в ней нет. О «порядке» можно говорить только тогда, когда скворцы, летящие вместе, следуют своим четырем правилам.

Почему скворцы ведут себя таким образом? Потому, что в этом случае для каждого отдельно взятого скворца вероятность быть съеденным значительно меньше, чем вероятность быть съеденным в том случае, если он летит сам или если другие скворцы не придерживаются этих правил. Строго говоря, скворец в стае и скворец вне стаи — это два разных существа, первое можно назвать «скворец плюс», так как он получает преимущество перед одиночными или «неорганизованными» скворцами в виде лучшей выживаемости.

То есть, «стая в целом» является преимуществом для отдельного скворца. Прелесть спонтанного порядка в отличие от порядка директивного в том, что для того, чтобы достичь этого преимущества ему не нужен начальник, ему нужно просто

следовать четырем простым правилам.

Очевидно также, что если один скворец не будет следовать правилам, стая успешно переживет это. Видимо, она переживет и плохое поведение двух скворцов. Однако, совершенно точно, что существует критическое значение количества нарушителей, после которого вся затея теряет смысл - «стая в целом» потеряет способность к организации и маневрированию, и все остальные скворцы потеряют преимущества «скворца плюс» и превратятся в обычных скворцов — легкую добычу для хищника.

Следующий, очень важный момент, состоит в том, что каждый отдельно взятый скворец понятия не имеет о том, как и почему его поведение (то есть, следование им неким правилам) дает ему преимущество. Чтобы получить это преимущество ему вообще не нужно ничего знать о «стае в целом» и о том, что ее маневры дурачат хищника и потому он промахивается чаще. Скворцу нужно лишь следовать правилам. Мало того, сам скворец может считать, что этих правил не четыре, а двадцать четыре, может оказаться, например, что выполняя маневры, скворцы еще и свистят три раза или возносят хвалу своему скворцовому богу. Опять-таки, скворцы даже могут полагать, что они не уклоняются от хищника, а, скажем, занимаются дыхательной гимнастикой.

Для того, чтобы система работала, знание скворца о ее существовании и механизмах работы необязательно.

Далее. Четыре правила, о которых мы сказали, равно как и идея «стаи в целом» это аналитические выводы внешнего наблюдателя. Исследуя поведение птиц, он установил, что когда каждый скворец следует таким правилам, он превращается в «скворца плюс», за счет того, что «стая в целом» приобретает маневренность и самоуправляемость. Если бы скворцы обладали разумом, они бы тоже могли постигнуть суть этих правил.

И последнее. Эти правила не были придуманы скворцами, они являются результатом эволюции, а не осознанного замысла и планирования. Никакого скворцового «общественного договора» не существует и никогда не существовало.

Теперь попробуем перенести это все на человеческое сообщество. Точнее, в случае спонтанных порядков нужно говорить о «сообществах», поскольку человеческие

взаимоотношения создают множество спонтанных порядков. Например, передавая деньги за проезд в маршрутке, вы действуете как минимум в четырех порядках одновременно — в базовом «не убий, не укради», в спонтанном порядке «деньги», в спонтанном порядке «язык» и в порядке «передача денег в маршрутке».

Как мы говорили, некоторые из порядков, такие как язык или деньги хорошо заметны, другие нужно специально отыскивать, но все они обладают некоторыми общими свойствами.

Как и в случае скворцов, порядок образуется, когда каждый в некоторой ситуации следует некоторому правилу или правилам. При этом, сами эти правила не являются чьим-то изобретением. Они могут быть открыты аналитически, сами люди, следующие этим правилам могут не знать и не понимать их смысла и вообще не догадываться о том, что они действуют в рамках каких-то правил.

Например, спонтанный порядок «деньги» начинается с правила, которое гласит, что некоторые товары могут выступать в качестве товара-посредника и имеют ценность в этом качестве. Человек, незнакомый с этим правилом просто не поймет, почему люди обменивают какие-то бумажки или железки на вполне полноценные товары. Спонтанный порядок «язык» — это правила извлечения звуков и произнесения их в определенной последовательности, то есть, формирования слов, а также правила, определяющие значение этих слов, расстановки этих слов и так далее.

Мы называем эти действия «правилами», потому, что они так или иначе привязаны к определенным ситуациям, то есть, они описывают порядок действий (или запрещают некие действия). Эти ситуации могут быть самыми общими (правило «не убий-не укради» действует при любом взаимодействии) или довольно частными (правило передачи денег в маршрутке).

Существование этих правил делает возможным сосуществование с незнакомцами, то есть, делает возможным взаимодействие неограниченного числа людей. Обращаясь к кому-то вам просто нужно произносить звуки в правильном порядке, то есть, попав в

ситуацию, когда вам нужно взаимодействие с любым человеком в любом месте вы просто следуете правилам, зная, что незнакомец тоже знаком с этими правилами и может расшифровать ваше послание. Точно так же спонтанный порядок «деньги» связывает вместе миллиарды людей, поскольку они знают о том, что деньги меняются на что угодно.

Как и в случае скворцов, правила спонтанных порядков создают своего рода «человека плюс». Собственно, эти правила и отличают нас от животных. «Человек минус» - то есть, человек незнакомый с правилами спонтанных порядков практически не встречается, это либо люди с серьезными отклонениями в психике, либо маугли.

И последнее на сегодня — правила спонтанных порядков передаются воспитанием и подражанием. Базовые и наиболее сложные правила — язык и этика — это дело воспитания (которое тоже часто просто подражание), большинство остальных мы перенимаем осознанно или неосознанно. Человек, который никогда не ездил в маршрутке, попав в нее, обычно бывает способен выделить правила, которые применяют люди, когда они оказываются в ситуации «еду в маршрутке, оплачиваю проезд».

Порядки и санкции

Спонтанные порядки возникают и исчезают по мере того, как люди ощущают полезность неких правил или перестают ее ощущать. Одно из очевидных преимуществ спонтанного порядка — предсказуемость поведения незнакомцев. Если вы едете по узкой дороге и вам на встречу едет другой автомобиль, вы рассчитываете на то, что при встрече каждый из вас примет вправо. Это правило, известное задолго до появления всяких ПДД (только тогда принимали влево, так как движение было «левосторонним») создает предсказуемость, позволяет вам планировать свое поведение и легче достигать своих целей.

Отправляясь в незнакомую страну путешественник знал, что он сможет понять ее жителей, потому, что они, как и он, используют спонтанный порядок «язык». Он может либо сам выучить язык

аборигенов, либо найти человека, который знает оба языка, чтобы использовать его в качестве переводчика.

Преимущество, получаемое каждым, поддерживает существование спонтанного порядка в целом. Порядки могут измениться или исчезнуть, если условия, в которых действуют люди, изменились. Например, украинский порядок передачи денег в маршрутке не годится во многих случаях в США, где пассажиры по очереди заходят через переднюю дверь и сразу же платят водителю.

Спонтанные порядки — открытая система. Любой участник может попытаться изменить какие-то правила, и будут ли они изменены зависит от того, найдут ли их полезными другие участники системы. Эта ситуация хорошо заметна на примере языка, который постоянно меняется, некоторые изменения вносятся в «язык в целом», другие, которые касаются более ограниченного круга потребителей, формируют локальные жаргоны — профессиональные языки, молодежный сленг, аргумент преступного мира и т. д.

То есть, спонтанный порядок существует и поддерживается добровольно, поскольку он дает преимущество тем, кто его использует. Этот вывод будет нам нужен когда мы перейдем к государству.

Теперь еще одно важное свойство спонтанных порядков. Нарушение этих порядков создает «санкции», которые накладываются на все сообщество, использующее этот порядок. Санкция наступает в виде потери преимущества, которое дает порядок. Как правило, такие потери наступают в долгосрочной перспективе. Для нас здесь важно то, что санкция накладывается на сообщество в целом, то есть и на тех, кто соблюдает правила.

Например, если по какой-то причине достаточное количество людей вдруг перестанет принимать вправо на дороге, по дорогам невозможно будет ездить. То есть, пострадают и те, кто продолжает пользоваться этим правилом. Если достаточно большое количество людей вдруг по какому-то волшебству забудет, что такое деньги, человечество постигнет катастрофа,

население Земли сократится в несколько раз, так как не смогут функционировать экономические институты, поддерживающие его нынешнюю численность. И эти последствия в равной степени коснутся и тех, кто помнит о деньгах и знает, зачем они нужны.

При этом, невозможно сказать, сколько именно нарушителей должно быть для того, чтобы «сломать» спонтанный порядок. Однако, когда нарушителей достаточно много, правила становятся бессмысленными. Они не могут больше связывать незнакомцев. Попадая в ситуации, в которых ожидается определенное поведение от других людей, люди больше не могут быть уверены в том, что увидят это поведение и потому отказываются от правил либо переходят в сообщества с другими правилами.

Теперь перейдем к конкретному порядку, который связан с действиями государства. Этот порядок можно назвать «не убий-не укради». Это один из глобальных порядков (другой порядок такого рода — язык), то есть, это такой набор правил, который присущ всем людям, где бы и когда бы они не жили. Сразу отметим, для избегания путаницы, что этот порядок, в отличие от большинства других, предусматривает санкции за его нарушение, которые осуществляют сами участники этого порядка. Если кто-то убивает (murder) другого или незаконно присваивает его собственность, порядок подразумевает, что члены сообщества негативно реагируют на поведение нарушителя и подвергают его санкциям — от простого осуждения до физического преследования.

Это как раз тот базовый момент, который отделяет нас от животных. Любители порассуждать о том, что «люди такие же животные» всегда забывают о нем. Да, у многих животных есть представления о границах и они будут защищать «свою» территорию. Да, многие животные (те же обезьяны) сообщаются отбиваются от нарушителей. Но когда один медведь вторгается на территорию другого медведя, все остальные медведи совершенно равнодушны к происходящему. В отличие от людей, они не воспринимают это как нарушение порядка и как угрозу неприкосновенности своих границ.

Однако, помимо этих прямых санкций, которые накладывают сами участники порядка на его нарушителей, в этом порядке, как и во всех остальных, действуют и санкции «невидимой руки». То есть, если достаточное количество людей не придерживается правил «не убий-не укради», что означает не только то, что они сами воруют, но и то, что они не преследуют нарушителей, «сообщество в целом» начинает получать санкции. Обычно это санкции в виде бедности и низкого уровня жизни, но если порядок нарушается очень часто, то такое сообщество просто распадается, люди стремятся присоединиться к другому сообществу или погибают.

Вспомним о наших скворцах, которые в составе стаи выполняют четыре правила, которые помогают стае маневрировать и уклоняться от хищника. Если некоторые скворцы не будут выполнять эти правила, координация стаи будет хуже и скворцы будут гибнуть чаще, чем если бы правила выполнялись. Стая получает «санкцию» из-за поведения некоторых скворцов.

Человеческое сообщество тоже получает санкцию тогда, когда не выполняются правила спонтанного порядка «не убий-не укради». Как и в случае со стаей скворцов, размеры этой санкции зависят от того, насколько часто нарушаются эти правила.

Собственно, одно из направлений социальной эволюции, о которой мы говорили в первых заметках этого цикла и состоит в том, чтобы сделать случаи нарушения порядка «не убий-не укради» как можно более редкими. Механика этой эволюции как раз и действует через санкции «невидимой руки». Сообщества живут тем хуже, чем чаще нарушаются правила.

Теперь мы наконец-то добрались до государства. Собственно, при взгляде на него со стороны спонтанных порядков, государство выглядит как ситуация, в которой в некоторых случаях нарушение правил порядка «не убий-не укради» не вызывают ответной санкции других участников порядка. То есть, некоторым «можно» безнаказанно грабить и убивать. Однако, если безнаказанные грабители и не получают санкций от своих жертв, они все равно не могут отменить санкций «невидимой руки», которые, как мы помним, накладываются на сообщество в целом. Эти санкции затрагивают всех без исключения. Поэтому

богатство общества с государством зависит от размеров этого государства. Чем больше государство, тем в большей степени нарушается порядок «не убий-не укради» и тем беднее люди, причем эта бедность распространяется и на начальство. Вспомним, что советская номенклатура по мировым стандартам жила весьма бедно, партийный работник среднего звена жил хуже среднего американского рабочего.

Паразит

Теперь мы можем ответить на вопрос, с которого начали весь этот затянувшийся цикл заметок, а именно — является ли государство спонтанным порядком?

Если мы понимаем, что эффект спонтанного порядка образует добровольное следование множества людей определенным правилам, то мы можем ответить на этот вопрос. И ответ этот звучит так: «да, государство не является спонтанным порядком».

Есть две причины в пользу такого ответа. Первая — выбор «государственного» порядка не является добровольным. Это не означает, что некоторые люди не делают такого выбора, это означает, что для многих он делается под угрозой применения силы. Ничего подобного в «настоящих» спонтанных порядках нет. Даже в спонтанном порядке «не убий-не укради», который предусматривает внутренние санкции против нарушителей, не существует никакой специальной монопольной организации, занимающейся энфорсментом и в ее существовании нет никакой надобности. Для эффективного функционирования спонтанного порядка вопрос кто и как будет энфорсить соблюдение правил не имеет значения. Энфорсмент обеспечивается добровольным следованием правилам, среди которых есть и такие, которые делают эту деятельность возможной и эффективной (например, [механика страховых групп](#) и общее представление о том, что покушение на чужую собственность является угрозой покушения на мою).

Вторая причина того, почему государство не является спонтанным порядком более важна и заключается она в том, что нам не удастся обнаружить никаких государственных спонтанных

порядков в чистом виде. Любой порядок, которым ныне занимается государство, взник без него и прекрасно существует без него. Мало того, государство вообще может что-то получать только в том случае, если спонтанный порядок функционирует более-менее нормально. Как только воздействие государства на порядок выходит за некие «разумные рамки», публика немедленно начинает убегать от него в другие аналогичные порядки.

Классикой жанра здесь является «денежное обращение». Когда государства заигрываются с инфляцией и прочим мошенничеством, [трудящиеся перестают использовать валюту этой страны](#). Это было бы невозможно, если бы спонтанный порядок «деньги» не был бы первичен по отношению к его государственной модификации. Опять-таки, в истории известны примеры, когда государство пыталось ввести с нуля приказные деньги и эти попытки проваливались. По этой причине, все валюты, «создаваемые» государством всегда «привязаны» к другим валютам, а те, в свою очередь, когда-то были «привязаны» к настоящим деньгам, то есть, золоту и серебру. Только эта «привязка» позволяет фиатным деньгам как-то выполнять функции спонтанного порядка и, соответственно, позволяет государству зарабатывать на принудительной монополии.

Аналогичная история происходит с правом. Государственное право не могло бы существовать, не будь обычного права. Государство просто присваивает и монополизировывает то, что возникло в обществе в рамках спонтанных порядков. Однако, после этого порядки не исчезают. Если государственное право совсем идет в разнос, люди находят решение своих вопросов вне его, обращаясь к обычному праву, в том числе и к его уродливой «бандитской» версии, как в «постсоветских» странах начала 90-х.

Вообще говоря, если посмотреть на страны вроде Украины, то роль государственного права становится совершенно очевидной. Оно либо используется для оформления решений принятых вне этой системы, либо используется как инструмент принуждения, когда одна сторона конфликта имеет лучший доступ к

юридическим чиновникам, чем другая. Случаи, когда государственное право работает так, как это написано в наших учебниках крайне редки. Если 70% решений по гражданским делам не исполняется, то можно скорее говорить об отсутствии закона, чем о его наличии. Такая ситуация просто невозможна в рамках обычного права.

Теперь нам станет ясно, чем является государство и как от него избавиться. Наиболее точной аналогией государства является паразит. Как и паразит, государство не порождается «организмом» а является внешней системой. В нашем случае «внешность» иллюстрируется необходимостью регулярного организованного принуждения, которой нет ни в одном «естественном» спонтанном порядке. Убрав паразита вы никак не повредите организму, точно так же, убрав организованное принуждение вы никак не повредите естественным спонтанным порядкам, они продолжат функционировать, как и раньше. Настоящий вопрос в обоих случаях состоит в том, что именно на практике означает действие «убрать паразита» и как сделать это действие максимально безболезненным и эффективным.

Чем является этот паразит? Как и в живой природе, социальный паразит не может жить без хозяина. Но в отличие от живой природы, у социального паразита нет самостоятельной формы. Это станет ясно, если мы вспомним, что на базовом праксиологическом уровне мы найдем только индивидов, которые предпринимают действия для того, чтобы уменьшить свое беспокойство. Среди прочего, эти действия образуют шаблоны поведения, часть из которых мы называем «спонтанными порядками». Эти шаблоны помогают индивидам взаимодействовать между собой.

«Государство» в рамках нашего анализа — это искажения спонтанного порядка с помощью регулярного организованного принуждения. Искажения эти существуют потому, что помогают одним индивидам паразитировать на других. То есть, строго говоря, паразитами здесь являются те, в чью пользу работают искажения естественных социальных порядков.

Аналогия с паразитом позволит лучше понять эффективность государства. В отличие от хищника, паразит не убивает жертву, а питается ею, оставляя ее в живых. Для того, чтобы это было возможно, паразиту нужно подавить сопротивление организма, обмануть его. В нашем случае, паразит искажает сами «органы тела», что позволяет ему безнаказанно питаться соками жертвы.

Одним из главных механизмов, позволяющих существовать социальному паразитированию, является то, что обмануть нужно отдельного человека, а ущерб, который он получает, постигает его через [механизм санкций невидимой руки](#), о котором мы говорили в предыдущей колонке и который налагается на «сообщество в целом». То есть, жертва паразитирования легко различает «пользу», которую якобы приносит государство в виде судов, полиции, дорог и больниц, но не идентифицирует ущерб с государством, поскольку происхождение ущерба для него совершенно непонятно (как непонятно ему и то, как невидимая рука создает богатство, когда дело происходит в естественном спонтанном порядке).

Разумеется в реальной жизни государство редко ограничивается этим механизмом, оно часто выступает и в роли совершенно очевидного и недвусмысленного агрессора. Но даже если бы оно этого не делало, даже если бы все происходило в идеальном мире минархиста, где государство «ограничено» и действует только в рамках этих ограничений, паразитирование бы никуда не делось и было бы, пожалуй, даже более эффективным, чем в привычном нам агрессивном варианте.

Как вывести паразита

В этой колонке мы поговорим о том, что означает «избавиться от государства». Как я и обещал, рецепт окажется неочевидным и многие, услышав его, разочарованно разведут руками.

Дело в том, что мой подход к государству и его природе отличается от господствующего мейнстрима. Соответственно,

будут отличаться и рецепты по борьбе с этим главным злом нашего времени.

Представители всех идеологий традиционно воспринимают государство как организацию. И если идеология допускает критику государства, то она основывается на этой предпосылке. Направление критики зависит от идейных предпочтений критика. Диапазон простирается от несогласия с агрессивными, «неразумными» и «недальновидными» действиями правительства до отрицания его необходимости. Понимание задач, которые решает организация «государство», опять-таки, зависит от идейных установок: от задачи сделать всех счастливыми до «минимальных функций полиции и обороны» или вполне реалистического понимания государства, как «организации узаконенного грабежа». И, наконец, понимание сложности самой этой организации тоже может быть разным от представления о государстве как простой иерархии («чиновники должны подчиняться закону») до взгляда на государство, как форму сосуществования множества конкурирующих группировок, обогащающихся за счет организованного принуждения.

По разному может пониматься и природа вреда, который причиняет государство. В самом простом и распространенном случае вред государства видится в «злоупотреблениях», неправильных законах и прочих очевидных, легко наблюдаемых действиях. В более сложном варианте, вред наносит государство, как таковое, вне зависимости от наличия в нем злоупотреблений и беззакония, поскольку оно в силу своей природы всегда выполняет свои «функции» неэффективно (либо потому, что эти «функции» просто не нужны и могут выполняться агентами свободного рынка).

Набор рецептов по исправлению ситуации тоже очень широк: от привычных лозунгов прогрессивной общественности по поводу патриотов у власти, до электрического правительства, которое с помощью «парочки скриптов» и голосования по телеграфу принесет счастье в каждый дом. Опять-таки, среди тех, кто ратует не просто за изменение, а за радикальное сокращение государства есть две группы. Первые делают это исходя из

бухгалтерских предположений, что если государство будет меньше вмешиваться (меньше отбирать) люди будут богаче. Вторая, более адекватная группа (школа общественного выбора) понимает, что государство имеет системные пороки, которые невозможно устранить в рамках этой системы и потому его нужно сократить радикально, чтобы минимизировать «провалы государства». Отдельно находится группа (судя по всему, достаточно быстро расширяющаяся) антидемократов, которые связывают все беды именно с демократическим устройством современного государства и видят рецепт либо в восстановлении неких аналогов монархии, либо в сецессии существующих государств на как можно большее число мелких государств, которые будут предположительно иметь устройство, напоминающее монархическое.

Наконец, представление о государстве, как организации разделяют и многие «анархо-капиталисты». Среди них есть даже институционалисты, которые доказывают с помощью теории игр, что «анархия в принципе возможна» (в то время как их коллеги из других лагерей с помощью той же теории игр доказывают, что она невозможна никогда).

Все эти на вид разные и часто противоречащие друг другу рецепты объединяет одна общая черта - взгляд на государство, как на организацию. Отсюда, вполне логично, что методом любого его изменения, включая сокращение и даже уничтожение государства является воздействие на организацию — путем кооптации (прогрессивные реформаторы-технократы), победы на выборах (партии), внедрения технологических изменений (электрическое правительство), переворота или революции. Поэтому все, кто хочет изменить государство, сократить государство, и вообще что-то с ним сделать, указывают исключительно на политические методы. Анархо-капиталисты, которые хотят его отменить, здесь благоразумно отмалчиваются, потому, что не могут объяснить, как можно отменить государство политическими методами, а других методов представление о государстве как организации не допускает.

Политические методы если и критикуются, то либо в связи с их

нереалистичностью в текущей ситуации (еще недостаточна популярность «нашей» партии, народ темен и ментальность не та), либо в связи с особенностями государства, как организации (школа общественного выбора критикует крайне низкую эффективность политических методов).

Взгляд на государство через призму праксиологии и спонтанных порядков приводит к совсем другим выводам. Во-первых, он показывает, что ограничить государство и заставить его действовать в жестких и предсказуемых рамках невозможно. Праксиология говорит нам о том, что государство всегда будет расширяться, а концепция спонтанных порядков показывает, что это расширение невозможно предугадать, а значит и контролировать. Государство всегда найдет способ, которым оно расширится, так как множество людей независимо друг от друга будут заниматься этим осознанно или неосознанно 24 часа в сутки 7 дней в неделю, пока система не найдет решение. То есть, праксиологический подход позволяет сразу отбросить политические методы, поскольку они в принципе не могут дать устойчивого результата.

Из этого следует наше во-вторых, а именно то, что коль скоро государство невозможно ограничить, его можно только уничтожить.

При этом, концепция спонтанных порядков позволяет увидеть, что уничтожить государство политическими методами невозможно. Нельзя захватить власть и «отменить» государство. Выборы, перевороты и революции не могут ничего поделаться с государством.

Сейчас я объясню почему. Как мы помним, спонтанные порядки образуются там, где люди (осознанно или нет) следуют неким одинаковым правилам. Основой социума является спонтанный порядок «не убий-не укради». Этот порядок имеет особенность — он предусматривает санкции для его нарушителей, которые накладывают сами участники этого порядка. В современном обществе существует два вида нарушителей — это криминал и государство (напомню, что государство нарушает порядок «не

убий-не укради» своей обычной деятельностью — налогообложением и регулированием). Эти нарушители отличаются друг от друга тем, как их воспринимают их жертвы. Криминал воспринимается как нарушение порядка частными лицами и, как и положено, жертвы оказывают им сопротивление, а другие участники порядка в меру своих сил и возможностей накладывают на нарушителей санкции. Но стоит частному лицу надеть форму, то есть перестать быть Василем Петренко и превратиться в представителя абстракции по имени «государство», как сопротивление прекращается.

Как видим, именно согласие с агрессией «людей в форме» является искажением спонтанного порядка, что создает возможности для паразитирования одних людей на других.

Политические методы никак не меняют эту ситуацию. С точки зрения концепции спонтанных порядков, политическая «отмена» государства означает либо ликвидацию формального статуса (отобрали форму) данных конкретных нарушителей, либо их физическое уничтожение. Но спонтанный порядок — это неформальные правила, чьи-то приказы (а «отмена государства» такой же приказ, как и прочее государственное регулирование) никак не воздействуют на сам спонтанный порядок и на факторы, его образующие. Пока согласие на безнаказанное нарушение правил «не убий-не укради» людьми, которые назовут себя представителями некой абстракции — «государства», «нации» или «общества» является частью правил спонтанного порядка, государство может восстановиться, даже если вы физически перебьете всех политиков и чиновников. Вместо них придут другие и вы увидите государство, восстановленное руками его жертв.

Концепция спонтанных порядков также утверждает, что политические методы не просто бесполезны для тех, кто хочет ограничить или уничтожить государство, дело обстоит гораздо хуже, ибо политические методы работают на сохранение и укрепление государства. Здесь можно изложить довольно много разнообразных наблюдений, в рамках колонки ограничимся лишь тем обстоятельством, что конкурирующие версии

государственнических идеологий создают образ некоего идеального государства, который никогда не совпадает с реальностью. Государство всегда выглядит несовершенным («Україна гине!»). Этому же способствует и сам факт наличия различных картин идеального государства. В представлении большинства государством в данный момент владеют «враги», то есть представители другой картины государства и это представление не зависит от смены политической власти. Все это создает устойчивую политическую повестку дня по совершенствованию и даже спасению государства и привлекает к этой деятельности не только жуликов и авантюристов, но и людей вполне честных и добросовестных, которые искренне желают блага окружающим.

Поскольку государство не является организацией, а улучшения в рамках любой идеологии видятся как улучшения организации, то вся эта реформаторская возня никогда не дает и не может дать удовлетворительных результатов. Соответственно, спрос на реформы никогда не падает, а наиболее активные люди вместо сопротивления узаконенному грабежу занимаются его совершенствованием.

Ну и наконец, концепция спонтанных порядков дает ответ на вопрос, как избавиться от государства. Коль скоро государство существует благодаря искажению правил индивидуального поведения, то оно может быть уничтожено, если эти искажения будут устранены. Поскольку правила спонтанных порядков не задаются извне, а возникают и самоподдерживаются изнутри, то исправление возможно только индивидуальным действием. Если по какому-то волшебству украинцы вдруг забудут о том, что они должны подчиняться человеку в форме, государство мгновенно исчезнет. Но, поскольку волшебства не существует, это состояние дел может быть только результатом длительного процесса.

Сам этот процесс я бы разделил на два разных направления. Собственно, целью одного и другого является отказ индивида от согласия на грабеж со стороны людей в форме. Первое направление это то, что называется «просветительством», когда

отказ от согласия достигается путем изучения экономической теории, истории и т. п., то есть осознания сути государства и сути общественных отношений. Второе направление можно назвать инструментальным. Здесь осознания не требуется, здесь требуется практика, альтернативная существующей в рамках государства. Теневая экономика, криптовалюты, альтернативные способы разрешения споров, все это приводит к сокращению спроса на государство, а значит и к его ослаблению.

Как видим, в отличие от политических методов, которые сводятся к строительству партий и борьбе за власть, методы, следующие из анализа государства на уровне человеческой деятельности и спонтанных порядков отличаются большим разнообразием. Правила индивидуального поведения не нуждаются в партиях и в местах в парламенте.

State and stating

[В предыдущей колонке](#) мы говорили о том, что необходимость определить нечто всегда порождается некой деятельностью, не существует «определений вообще», которые бы абсолютно исчерпывающе описывали бы объект во всех возможных его проявлениях. Содержание описания объекта диктуется деятельностью, в которой он используется и потому полных и окончательных определений существовать не может.

В случае государства необходимость определения диктуется желанием понять проблемы, которые оно порождает и, тем самым получить возможность защититься от этих проблем. Историческое определение, в общем смысле, сводящееся к «форме организации человеческого общества» не может считаться удовлетворительным в виду своей полной неопределенности и статичности. Непонятно, чем государство отличается от не-государства и что, собственно, оно делает. Любые структуры, которые вы обнаружите в человеческом обществе могут быть отнесены к «государству». Попытки применения научных методов приводят нас к так называемому «социологическому» определению. Точнее, таких

определений два — Макса Вебера и Франца Оппенгеймера. Заслуга Вебера состоит в том, что он, пытаясь отделить государственное от негосударственного прямо указал на то, что государство не делает ничего такого, чего не делало бы негосударство. Вебер обнаружил единственную специфически государственную функцию, которую он назвал «монополией на насилие» (более корректным вариантом является «монополия на принуждение»).

Оппенгеймер был более точен. Он говорил о том, что существует два метода взаимодействия людей — добровольный обмен (который он назвал «экономическим методом») и метод насильственного присвоения чужого (который он назвал «политическим методом»). Государство по Оппенгеймеру это «организация политических методов».

К сожалению, наиболее распространенным является определение Вебера. Причина этого, вероятно, в том, что оно более запутанно и расплывчато, чем определение Оппенгеймера и, следовательно, может легче использоваться в academia.

Социологические определения уже являются определениями, но, по-прежнему страдают недостатками. Эти недостатки связаны с предметом, а точнее, с методом этой науки, который при всем разнообразии «социологий» в большинстве случаев остается холистским. Поэтому социологи могут на полном серьезе изучать «насилие» как некий феномен, существующий сам по себе в некоем сферическом в вакууме «обществе». Очевидно, что в такой системе координат выражение «монополия на насилие» имеет для них какой-то смысл.

Если же выйти за рамки социологии и посмотреть на мир с позиций более реалистичной науки — экономики, то сразу же возникнет вопрос - чья это «монополия на насилие»? Экономика считает источником всех социальных явлений действующего человека и для нее «монополия» хоть в виде специфического положения предприятия на рынке, хоть в виде государства является лишь средством для достижения целей теми или иными людьми. Кто те люди, кому принадлежит «монополия на насилие» и кто использует ее в своих целях? Очевидно, это люди, которых можно назвать «правлящей группой». То есть, с экономической

точки зрения определение Вебера будет выглядеть как «монополия на насилие правящей группы».

Это уже немного лучше, но все равно недостаточно хорошо. Если мы присмотримся к нашей версии определения Вебера, мы обнаружим, что это просто более узкая версия определения Оппенгеймера. У Оппенгеймера вместо «монополии» используется «организация», а вместо «насилия» - «политические методы», в обоих случаях это более широкие понятия. Организация предполагает как наличие группы, которую она объединяет (хотя организация может рассматриваться и как система), так и тот важный факт, что это не обязательно монополия. «Политические методы» - это не только насилие, но любые методы (например, обман) с помощью которых одни люди незаконно лишают других их собственности. То есть, вся машинерия государственного принуждения и обмана в виде демократических выборов, пропаганды, принудительного «всеобщего образования» и тому подобного попадает в категорию политических методов.

Как уже, наверное, заметил внимательный читатель, определение Оппенгеймера в равной степени применимо к государству и к банде грабителей. Действительно, банда грабителей является своего рода «личинкой» государства. Тем не менее, между бандой и государством существуют серьезные различия. Государство — это банда, которая захватила некую территорию и перешла к постепенной монополизации различных видов человеческой деятельности. Прежде всего, банда пытается монополизировать принуждение, так как это позволяет ей регулярно грабить обитателей территории, затем она пытается монополизировать право, так как это делает ее грабеж «законным», она пытается разоружить людей и сделать их беззащитными не только перед собой, но и друг перед другом и так далее.

Это наблюдение позволяет сделать нам следующий важный шаг, а именно, понять, что мы имеем дело с процессом, а не со статическим состоянием. У этого процесса есть начало — захват бандой (племенем и т. д.) территории и наложение на ее обитателей регулярной бессрочной дани (налога). Однако, после

этого, события могут развиваться с разной скоростью и с разными, иногда, существенными отличиями. Например, не всегда удается сразу же полностью присвоить себе правовую систему и тогда мы имеем англосаксонский мир с его прецедентным правом. Разоружение налогоплательщиков тоже не везде получается. То есть, процесс захвата общества (или, что то же самое, расширения государства) может протекать по разному в различных обстоятельствах.

Собственно, процесс расширения государства и представляет собой главную проблему. Именно это, то есть, постоянное принятие все новых законов, введение нового регулирования и постоянная узурпация власти других людей и является причиной наших бед. Ни одно государство не стоит на месте. Все они постоянно расширяются, с разной скоростью, в разных направлениях, но именно этот процесс и создает проблемы.

Мало того, праксиология говорит нам о том, что государство не может остановиться, поскольку его приводит в действие та же самая сила, которая приводит в действие и всю прочую экономику — человеческая неудовлетворенность. Мечта минархистов об ограниченном государстве нереализуема в силу человеческой природы. Ситуация, когда чиновники просто ходили бы на работу с 9 до 18 и никак не пытались бы увеличить свои бюджеты противоречит самой природе человеческой деятельности.

Таким образом, наше определение должно включать в себя и динамическую составляющую. «Монополия на насилие» или «организация политических методов» статичны. Они никак не предупреждают нас о том, что государство будет расширяться и что процесс этот не поддается контролю. При этом, «статика» тоже важна, ведь без статичных сил подавления и принуждения, без территориальной монополии никакой последующей динамики, никакого роста просто быть не может.

Вероятно, возможно соорудить некую формулу, которая бы объединила все эти факторы, но мне кажется более перспективным разделить явление, которое кажется нам однородным, на два.

В качестве аналогии возьмем рынок. Для «рынка в целом» в каждый момент времени можно аналитически выделить совокупность предприятий и формальных связей между ними, или переиначивая Оппенгеймера, «организацию экономических методов». Однако, заметим, что экономическая наука мало интересуется этой структурой самой по себе. Даже прикладные отрасли, такие как экономика предприятия не уделяют ей особого внимания. Экономика изучает не статику, а процесс, который тоже является расширением каждого предприятия и его рынков и, в отличие от статического набора предприятий, здесь уже участвует и другая сторона — потребители. У всего этого динамического процесса есть свои законы и закономерности.

Это неудивительно, потому, что «организация экономических методов» является продуктом постоянного применения этих самых методов. С «организацией политических методов» все не так, она появилась искусственно и для ее поддержания необходимо организованное принуждение и регулярное изъятие части собственности. Однако и здесь существует свой процесс поиска прибыли и расширения, здесь тоже существуют «потребители» и «спрос и предложение». Этот процесс остается вне внимания, вне анализа, хотя именно он приносит основные неприятности.

Поэтому, возможно следует разделить наблюдаемого нами монстра на собственно state, который можно определить как «основанную на территориальной монополии организацию политических методов» и stating, то есть, тот «рыночный процесс», который неизбежно порождает «организация политических методов». Можно попытаться определить stating как «основанные на state практики паразитирования на системе добровольного обмена путем присвоения власти ее участников». Здесь присвоение власти означает то, что мы привыкли называть расширением государства, так как по сути, этот процесс сводится именно к присвоению другими людьми вашей власти над вещами и поступками.

Заключение

Итак, мы попробовали сделать беглый очерк возникновения государства, его существования и перспектив избавления от него. Теперь сделаем некоторое обобщенное заключение.

Социальная эволюция (то есть, эволюция правил) позволила будущим людям получать преимущества от взаимодействия друг с другом. Во многом это стало возможным потому, что правила ограничивали агрессию и делали ее маргинальной. Точнее говоря, те сообщества, которые практиковали такие правила, получали преимущества перед другими, что способствовало распространению этих правил.

В более позднее время оформился механизм страховых сообществ, (как правило, «расширенной семьи»), который способствовал тому, что члены этой группы были заинтересованы контролировать своих членов, поскольку несли издержки в случае их агрессии.

Такая система хорошо ограничивала агрессию внутри «большой группы» (то есть, рода, клана, племени), но никак не ограничивала ее в случае конфликта между членами разных «больших групп». Строго говоря, все члены другого племени находились вне закона и потому не существовало ответственности за их убийство или грабеж.

Поэтому практики агрессии (вплоть до геноцида) одной группы в отношении другой поначалу не имели универсального тормоза, какой существовал в виде страховых групп для агрессии внутри группы. Это и стало почвой для появления государства.

При этом, надо отметить, что никакой обреченности на появление государства не существует. Первоначально эволюция «победила» агрессию внутри группы, и она продолжилась и на отношения между группами. «Тормоз» находился в процессе создания. Страховая система оказалась способной масштабироваться, кланы могли включать в себя несколько миллионов человек, племена создавали союзы, в рамках общего права возникли механизмы, которые позволяли обеспечить взаимодействие между представителями разных групп (институт гостеприимства) и решать конфликты между ними (суды справедливости). То, что государство возникло и закрепилось

является историческим обстоятельством, а не универсальной закономерностью, порождаемой «человеческой природой» или «механизмами функционирования сообщества».

Формы агрессии между группами тоже развиваются и эволюционируют. Более продвинутой формой грабежа становится дань, а более продвинутой формой дани — рэкет, то есть, ситуация, когда грабитель не уходит, а остается жить среди своих жертв и дань, которая имеет «срок действия» превращается в бессрочный «вечный» налог. Рэкет — это первая фаза государства. Подавляющее большинство государств не пережило этой фазы. В развитии государства можно выделить такую последовательность — набег, дань, рэкет (выделение суверенной территории), налог, присвоение правовой системы, монополизация принуждения, монополизация других сфер деятельности.

Как только государство присваивает себе правовую систему, то есть, начинает «решать вопросы» покоренных в обмен на признание «законным» грабежа в свою пользу, происходит решающее изменение. Спонтанный порядок права отныне получает поддерживаемое регулярным применением организованной силы «исключение». То есть, государство в какой-то степени становится частью спонтанного правового порядка. С этого момента государство превращается из захватчика в паразита. Государство, как организация теряет свое значение, основные механизмы теперь работают через стейтинг - «отравленные», «зараженные паразитом» спонтанные порядки.

Здесь важно понимать, что государство не порождает никаких самостоятельных спонтанных порядков. Его функционирование на уровне взаимодействия между людьми сводится к тому, что для отдельных людей в отдельных случаях существуют исключения из правил спонтанного порядка, которые поддерживаются специальной организованной силой.

Это приводит нас также к пониманию того, что не существует никакой «проблемы состояний». Нет никаких отдельно стоящих «анархии» и «государства», которые якобы заменяют друг друга. «Анархия» никуда не исчезает после того, как в ней заводится

«государство». Именно за счет «анархии», то есть, свободного взаимодействия людей в рамках правил спонтанных порядков и существует «государство». Это отношения паразита и хозяина, никакого государства без «анархии» существовать не может. Наконец, понимание того, что государство «проникло» в спонтанные порядки, означает, среди прочего, что итоговое воздействие, которое мы получаем от государства, больше не находится в царстве осознанного замысла, а является проявлением самоорганизующегося децентрализованного (а значит неуправляемого) процесса стейтинга - расширения государства.

Децентрализованность и самоорганизация стейтинга означает, что государство не способно остановиться и будет расширяться до полного уничтожения общества. Политические методы, то есть методы воздействия на формальную организацию никак не влияют на этот процесс, более того, в системе стейтинга они лишь подстегивают дальнейшее расширение, ликвидируя отжившие и неэффективные формы.

Будущее человечества определяется тем, какой из децентрализованных процессов возьмет верх — процесс расширения государства или процесс социальной эволюции. Последний не только не закончился, но и, видимо, ускорился, породив такие явления как интернет и т. п., однако государство демонстрирует способность поставить эти достижения себе на службу.

Более того, стейтинг уже давно бьет по самим основам механизмов социальной эволюции и продуктивных спонтанных порядков. Культурный марксизм и постмодернизм атакуют основные социальные институты, которые с одной стороны, являются продуктом социальной эволюции, с другой — обеспечивают ее продолжение и ускорение.

Современные люди привыкли считать прогресс само собой разумеющимся состоянием, однако, не существует никакой обреченности на прогресс. Наше развитие невозможно без свободы человека самому принимать решения, которые касаются его жизни и следующих из нее феноменов права, частной

собственности, капитала и т.д. Как показывает опыт коммунистических стран, попытки радикально воздействовать на эти факторы развития, приводят к войнам, деградации и физической гибели огромного количества людей. Поэтому, успешный стейтинг вполне в состоянии ликвидировать сами причины роста и привести нас к деградации и вымиранию.

Остановить стейтинг привычными политическими методами невозможно. Основная проблема состоит в том, что он осуществляется через спонтанные порядки, попросту являясь их регулярным «узаконенным» нарушением. Преимущества, которые дают нам спонтанные порядки, не являются очевидными, точнее, не являются легко идентифицируемыми. Чаще всего, благотворные результаты их использования имеют вид непредвиденных последствий и попросту не замечаются, не осознаются или считаются само собой разумеющимися. Точно так же не осознаются и последствия их нарушения. Подавляющее большинство людей исходят из того, что все, что встречается им в социальной жизни является плодом чьего-то замысла и ищут ответы на свои вопросы в системе, которая позиционирует себя как царство осознанного замысла, то есть, в политике и, шире, в социальной инженерии.

Тем, кто хочет повлиять на происходящее, нужно для начала понимать его. Большинство экономических, социологических и юридических концепций являются в той или иной мере продуктами стейтинга. С другой стороны, альтернативные взгляды не имеют пока что вида сколько-нибудь законченных теорий и здесь открываются возможности для обширной исследовательской программы.

Автор: Владимир Золоторев